Аметистовая вьюга

Осенние костры - 2

Валерия Комарова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аметистовая вьюга (Осенние костры — 2) Комарова Валерия

- Валерия Комарова
  - Пролог
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3

Валерия Комарова
Аметистовая вьюга

Пролог

1 декабря

Он спит на животе, уткнувшись носом в подушку, разметавшись на кровати, раскинув руки-ноги. Рыжие волосы спутаны, на плече синяк, руки и спина исцарапаны в кровь: золотую, тягучую как деготь. Он мог бы залечить царапины в мгновение ока, но не стал, оставил это напоминание о ночи, полной ненависти, жестокости и жажды.

— Прости, — шепчу. За окном метёт вьюга, зло воет, стонет, белой плетью рассекает этот мир на две половинки. В одной остаётся он, а другая — для меня. И дело даже не в том, что не любит он — лишь использует, просто потому, что другого выхода нет. Не в том, что не люблю я — лишь греюсь, по крупицам собираю осеннее, сумеречное тепло. Просто ещё не время. Или уже не время?

— Куда ты собралась? — Будто и не спал вот, секунду тому назад, сел на кровати, свесил ноги, касаясь пальцами холодного пола. В карих глазах гнев и разочарование. Отнекиваться поздно, да и бессмысленно. Исчезнуть, не попрощавшись, не получилось. — Я не разрешал тебе уходить.

Да, не разрешал. Только вот чихать теперь я хотела на твои запреты. Не сегодня. Не в первый день зимы. Не твоё время, мой рыжик, не твоё право — моё. Теперь — моё. Уже — моё. Время рвать этот мир на части, рассекать его и вновь сшивать. Время понимать. Время познавать.

— Я ухожу, — озвучиваю то, что ясно и без слов. — Прости, мне пора.

— Я — твой хозяин, Рани, — мягко. И уже жестче: — Ещё пятьдесят лет буду твоим хозяином. Или ты всё же выберешь смерть? Я ведь предупреждал.

Он такой смешной, этот рыжий. Иногда он кажется мне ребёнком, хотя, я знаю, Осенний Листопад вечен, как вечны все князья фейри. Он видел тысячи миров и увидит, даст Порядок, ещё тысячи.

— Наше время закончилось. — Передёргиваю плечами. — Ты знал, кого пленил и знал, что однажды меня позовут. Можешь считать меня своей рабой, но тебе не быть моим хозяином. У Вьюг лишь одна Хозяйка, и над ней нет никого.

Он знает, но не верит. Не понимает. Он ведь так и не удосужился спросить, что произошло три дня назад там, среди

седых скал, на краю мира, у самой Грани, и, наверное, я не смогу объяснить так, чтобы он понял. Придётся показать.

— Смотри. — Я стягиваю тонкую осеннюю куртку, затем снимаю рубаху. Он охает. Странно, неужели бессмертного Великого Князя можно ещё чем-то удивить. Вот бы никогда не подумала.

— Вьюга… — шепчет он. В его зрачках кружат снежинки. — Аметистовая Вьюга.

— Вьюга, — соглашаюсь. Улыбаюсь сквозь силу. Через «не могу». Через «не хочу». Улыбаюсь фальшиво и неискренне. — Аметистовая Вьюга. Ты знал, кто я, с самого начала. — Медлю, перед тем как, озарённая случайной, невероятной догадкой, уточняю тихо: — Или нет?

И, глядя в его шальные глаза, понимаю — не знал. Не знал, считал обычной Вьюгой, Холодной Душой. Спешно натягиваю рубаху и сажусь на пол. Мы смотрим друг на друга и не находим слов.

Теперь уже смеяться хочется. Князь Листопада и Аметистовая Вьюга — могли ли нити Ткачихи сплестись в узор более причудливый, чем этот?

— Спасибо тебе, Осенний Князь, — изморозь расползается от меня по полу, взбирается по стенам, рисует узоры на стекле. — Спасибо, что согрел меня. Я не держу на тебя зла.

Он молчит. А что тут ответить? Он мог удержать при себе Киранну Проклятую, но не меня. А если бы попытался…

Встаю и натягиваю куртку, мигом позже понимая, что это глупо. Разве может замёрзнуть Аметистовая Вьюга?

Я чувствую зов. Си'Эн уже вышла из Врат. Зима пришла в смертные земли, пора Вьюгам собирать жатву. Пора мне возвращаться. Но что-то не даёт уйти, я мнусь на пороге, не решаясь шагнуть в снежное марево, не торопясь раствориться в нём.

— Ты согрел меня, Князь, — повторяю, с губ слетают слова, которые я не говорила никому и никогда: — Я тысячи лет пыталась узнать и понять, что такое — тепло. Ты показал мне, научил меня, поделился. Теперь ты в праве просить меня о чём угодно, Осенний Князь. Я признаю за собой долг.

— Останься, — он с трудом разлепляет спекшиеся губы, глядя на меня с жаждой и безумием. — Останься со мной, Аметистовая Вьюга. Он и сам понимает, что просит о невозможном. Но всё равно просит.

Я возвращаюсь. Опускаюсь на колени перед кроватью и осторожно, не касаясь, глажу воздух над его щекой. Теперь мои прикосновения могут его убить. Три дня Си'Эн дала мне, большее

— не в её силах. Но я ещё помню, что это такое, прикасаться. Я помню ощущение его теплой кожи под моими пальцами. Это бесконечно много для существа, которое никогда ранее не знало прикосновений, да и не думало, что они возможны.

Осенний Князь. Листопад. Мой Князь. Глупый мальчишка… Единственный, кто сумел меня пленить, и единственный, кому я это позволила.

Узор Ткачихи так запутан, так сложен, так страшен. И, зная, что Князь виноват сам, я ничего не могу с собой поделать. И плевать на то, что он — от Осени. Плевать на то, что я — Вьюга. Разве важно это? Важно лишь, что он поделился со мной тусклым, сумеречным теплом. Не потому, что я просила — потому, что нуждалась.

Мне не свойственно милосердие, единственное, что есть у меня — голод. Но этот Князь — мой. Даже если он от Осени. Даже если сама я — Аметистовая Вьюга.

Сделать выбор невероятно сложно, даже если этот выбор иллюзорен, если его нет вовсе. Я рву нити. Рву и связываю их иначе, я путаю узор и сплетаю новый. Даже Ткачихе не под силу подобное, но сегодня смертные земли принадлежат мне, я могу всё.

Я хватаю его за волосы и заставляю наклониться ближе, почти касаюсь его губ своими. Почти. А от моих пальцев по осенней рыжине разбегаются белые дорожки. Я мечу его. Мечу князя неподвластной мне семьи, принадлежащего не мне — брату, Осеннему Огню. Я клеймлю его, чтобы однажды, спустя восемь тысяч лет, в новом мире, когда Закон позволит мне вновь обрести плоть, позвать его, найти, отобрать у Хаоса добычу. И нет пути обратно, и нет мне прощения.

А потом я встаю и, не прощаясь, ухожу в зиму, растворяюсь в ней, рассыпаюсь снежинками, роняю слёзы — драгоценные аметисты. И воет стылый ветер, и тают воспоминания о последних двадцати пяти годах, проведённых в смертных землях. Но его я буду помнить. Он — единственное, что я буду помнить. Он — всё, что я хочу помнить.

Пусть он — Осенний Князь. Пусть я — Стихия Зимней Семьи. Это не важно. Важно лишь, что однажды, спустя восемь тысячелетий, в ночь, когда в не знающем, не помнящем о магии мире заполыхает осеннее пламя, мы снова встретимся. Надолго ли? На час? На день? На год? До конца времён не разожмём объятий? Какая разница. Даже если нам предоставлен будет миг, я сумею превратить его в вечность.

Кто решил, что Стихии неразумны, лишь инструмент, оружие, что нами можно повелевать? И кто сказал, что мы не способны

чувствовать?

ГЛАВА 1

15 — 17 сентября

В деревушке было неспокойно — это я почувствовала, едва ступила за околицу. Вроде бы ничего необычного не происходило, но в воздухе ощутимо пахло страхом и ненавистью. Признаться, я едва не повернула обратно: ничего хорошего мне подобные настроения селян не сулили. Один знакомый Старший как-то сказал, что люди — стадо. Я тогда позволила себе не согласиться со старым мудрым эльфом: хищная стая. А когда хищники боятся, они пытаются этот страх перебороть, ищут жертву, чтобы забыться в крови и жоре. Люди в таких случаях всегда находят крайнего: иного, чужого, непонятного. А кто годится на эту роль лучше бродячего мага, отмеченного силой? Не правда, что маги не горят. Горим, ещё как. Даже те, кому огонь — подвластная стихия. Всего-то и надо, что по голове приложить чем тяжелым или руки-ноги переломать. Маги смертны. Даже Старшие смертны. В этом мире вообще нет абсолютной вечности, таков уж порядок вещей.

Но я не об этом, я — о запахе. Едва ощутив его, я должна была бежать со всех ног, но не побежала. Три ночевки под открытым небом — я бы отдала всё что угодно за мягкую постель и сытный ужин. Даже магам нужен отдых.

В корчме было на удивление пусто. Пахло пирожками и перебродившим пивом. А ещё похотью, трусостью и прокисшим бельём. Я невольно поморщилась. Запахи — моё слабое место. Меня даже за оборотня принимали из-за нюха. И не объяснить ведь, что это — магия. Я — Нюхач, Следопыт. Привыкли люди, что маги все как один — стихийники, а о том, что четырьмя разделами искусство не ограничивается, и не слышали. Мой дар не из распространённых, вот и мучаюсь, объясняю всем и каждому. Нюхачи или следопыты — маги ищейки. Нас натаскивают на то, чтобы брать след и идти по нему. Если вы год назад в лесу потеряли кольцо — заплатите, и я его отыщу. Если от вас ушла жена — догоню, как бы она не путала следы. А ещё я чую. Чую эмоции, чую мысли, чую желания и страхи. Это считается ценным даром, но, на мой взгляд, нюх — не дар, а проклятье. Будто одного мне мало было…

— Эй, хозяин! — крикнула я, не обнаружив никого в зале. — Эй, встречай гостью!

Он выскочил из неприметной дверки, на ходу застёгивая

штаны, за ним, хихикая, по стеночке, выбралась румяная подавальщица в замызганном фартуке. Смерила меня взглядом, фыркнула. Да уж, выгляжу я, словно селянка, притворяющаяся наёмницей. Меня даже в Академии дразнили мужичкой. Я лишь смеялась. Ну, мужичка — и что?! Зато человек, чистокровный, до тридцатого колена все мои предки — люди. А крепко, по-мужски сбитая фигура — пустяк.

— Чего изволите, госпожа? — спросил корчмарь, стараясь незаметно застегнуть брюки, никак не желающие сходиться на объёмистом пузе. — Комнату? Ужин?

— И то, и другое, — сообщила я, стряхивая капюшон и позволяя получше рассмотреть меня. Если до этого у хозяина были какие-то сомнения насчёт моего статуса, то уж теперь их не осталось. Магам не затеряться среди обычных людей. Сила метит нас. Кого-то уродует, кого-то клеймит. Моё клеймо — глаза. Правый серый, а левый ярко-зелёный. А ещё — волосы: светлые, серебристые, словно пеплом у корней присыпанные и белые на концах. Оба от отца перешли. В его роду в каждом поколении рождаются сереброволосые девочки с разными глазами. Есть на мне ещё две метки, одна — от матери, другая — непонятно откуда, но их я прячу. Не стоит дразнить гусей…

— Минуточку, Мастер. Вы присядьте. Сейчас, я Маньку кликну. Вам что подать? У нас греча с тушеной олениной есть, а доча моя пирожки вот только-только напекла. Вы не сомневайтесь, у нас всё вкусное…

— Давай, что найдёшь. Главное, чтобы погорячее. И вина, со специями. Есть вино-то? — Я сбросила сырой, колючий плащ, за две недели пути превратившийся в обычную тряпку. Даже неловко было такое носить, но выбирать мне не из чего. Не рассчитывала я, что непогода в дороге застанет, до Листопада редко ливни хлещут. Все вещи в Костряках остались, на сохранении, на мне лишь тонкая куртка была. Вот и пришлось покупать первый попавшийся плащ. Доберусь до Костряков — выкину, не пожалею отданных за него трёх полновесных серебряных монет.

— Есть. Как же не быть. — Корчмарь улыбнулся. — Мастер, а вы к нам надолго?

— Переночую, и утром уйду, — сообщила я, вытягивая гудящие, усталые ноги. Тощий мешок я бросила на пол, под стол, плащ — на стул.

— Вы бы поговорили со старостой, может, до чего бы договорились…

— А что? Работа для мага есть? — удивилась я. — Что же, ваша знахарка не справляется?

Знахарка жила всего в двух часах отсюда, я даже думала остановиться у неё, но потом решила не делать крюк. Хорошая женщина, в травках толк знала, могла бы даже Мастеров-Целителей удивить. Я у неё прошлой осенью отлёживалась, отходила от шальной стрелы, настигшей меня на охоте.

— Нету больше у нас знахарки, — разом помрачнел корчмарь и тихо, шепотом, добавил: — Загрызли её. Оборотень загрыз. А вчера за околицей невестку нашего старосты нашли — горло ей вырвали и лицо объели.

Я вздрогнула и, не удержавшись, чихнула. Вот гадость! От корчмаря исходила жуткая вонь: ещё не выветрившаяся похоть, страх, злорадство, любопытство и жадность. А ещё он не врал. Или верил, что не врёт. Я сомневалась, что в этих местах поселился оборотень-убийца, но хищник-людоед — тоже не подарок. Здесь и правда найдётся мне работка…

— Мастер Рани? Слышал о вас, слышал… — староста огладил окладистую седую бороду и цокнул языком. — Вовремя вы к нам пожаловали, ничего не скажешь. Вы же сама… Я нахмурилась и резко махнула рукой, не дав старосте договорить.

— Я — не оборотень. Даже не полукровка. Что бы вы ни слышали об этом — всё ложь. Я человек. Чистокровный. На тридцать поколений вглубь веков нет у меня в предках нелюди.

Он не поверил. Сделал вид, что верит, но меня обмануть невозможно. Беспокойство усилилось. Я окончательно уверилась, что нужно уносить ноги, но не вовремя вспомнилось, что я давала клятву Совету. Это было одним из условий моего помилования: защищать людей от порождений Вьюжных Лесов. За плату или бескорыстно, но защищать. В тот миг, когда я услышала о людоеде, у меня не осталось иного выбора, как его уничтожить. Клятвы, данные Совету, не нарушаются. Наказание — смерть. Недостатка в палачах Академия не испытывает. Правда называют их охотниками, но ведь суть от этого не меняется?

Правда плату я всё-таки стребовала. Невеликую, но с паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок. Лишними деньги не бывают. Тем более, осенью, когда жизнь в пограничье замирает до зимы. Осенью, от которой я прячусь за толстыми стенами. Три месяца я живу в клетке, прутья которой — ливни, ветра, листопад и пламя. Три месяца я болею и тоскую. Не люблю я осень, а она — меня. Не моё это время. Чужое.

На оборотней магия не действует. А в деревеньке лютовал сошедший с ума Старший — это я узнала, обнюхав труп молоденькой девчушки, вчерашней жертвы. Тонкая нить следа вела вглубь леса, но я не пошла по ней, чувствуя, что вечером оборотень вернётся сам. А я подожду и приготовлю ему тёплую

встречу.

Засела я в кустах, в ста шагах от околицы. Повесила над собой магический светлячок, зная, что магия — лучшая приманка. Плащ остался в корчме, на мне была тонкая куртка на рыбьем меху. И плевать, что не греет, замёрзнуть я не могу — не чувствую холода, главное, что она движений не стесняет. Под рукой любимый кнут, им я могу выбить глаз летящей мухе. Это не просто мастерство, я помогаю себе магией. В моих руках этот неказистый кнут может превратиться во что угодно: плеть ледяного огня или вихрь, кружащий вокруг меня и защищающий от любой атаки. Ещё до того, как Совет наложил печати на мой основной дар, я использовала его. И была всемогуща. Или верила, что всемогуща. Но что жалеть о том, что было? До конца жизни мне не сорвать печать, не ощутить вновь, как бежит по венам стужа…

Так и сидела полночи, тихо напевала непонятно где услышанную песенку и ждала.

Не дождалась. Оборотень не явился на свидание. Зато утром у околицы обнаружилась Манька, подавальщица из корчмы. То, что от неё осталось — не много.

— Что ж вы, Мастер Рани? — укоризненно качал головой староста. — А вы говорили… Я лишь плечами пожала.

— Странный тут у вас оборотень, — заметила. — Ни один людоед не откажется от мага ради обычного человека. А этот вот отказался. Так ли он безумен? Вы случайно ничем Старшим не насолили? Если это — месть, я вам не завидую. Пока деревня не вымрет — не успокоятся.

Староста и священник Единого, опирающийся на посох-крест, переглянулись и синхронно замотали головами. На меня дунуло вонью лжи и недоговорённости. Значит, права я. Не просто так оборотень заявился.

— Или вы говорите мне, в чём провинились, или я ухожу! — пригрозила. Двое пройдох снова переглянулись.

— Тут такое дело… — неохотно начал священник. — Мальчишки неделю назад притащили из лесу парня, едва живого. Старшего. Оборотня. Нелюдь.

— Я его к себе взял, знахарку позвал, чтоб подлечила. Старшие-то благодарными быть умеют, — признался староста. — А он, отродье, дочку мне попортил. А потом ещё глазами наглыми сверкал, говорил, честь оказал. Ну, я сгоряча его и приказал… Вина, злость, отвращение и страх. Страх, страх и ещё больший страх.

— Что? — поторопила я. — Что с ним сделали?

— Да ничего. Побили чуток, руки переломали, да в подпол

кинули. Мы ж не звери какие. Очухается, подумает, я с ним и поговорю. Дочка-то у меня одна-единственная, — признался староста. — И что, что нелюдь, невиданное ли дело.

И, правда, в пограничье это сплошь и рядом. Старшие падки на пышную, полную жизни и крови человеческую красоту. Я лично знаю двоих, женившихся на человеческих девушках. И ничего — живут неплохо. Только вот решений своих Старшие никогда не меняют, это я тоже знала точно. Если сразу не согласился одеть ленту в волосы — и не согласится.

Зря я, наверное, это сказала. И зря вступилась за совершенно незнакомого мне любвеобильного Старшего. Надо было плюнуть, забрать вещи, и отправиться в путь. В своих бедах здешние людишки сами виноваты. Только вот забыла, за кого меня принял староста. Не подумала, как легко меня можно обвинить, в том, что…

Вот и получила тяжёлым крестом по затылку. Так мне и надо за то, что забыла — людям нельзя доверять. Слишком дорого оно потом обходится — это доверие.

В погребе было темно и сыро. Скреблись крысы, булькало в бочонке пиво. Пахло кровью, железом, ветром и сумеречной осенью. Моя голова лежала на чем-то мягком. Чьи-то пальцы скользили по лицу, словно их обладатель пытался запомнить каждую чёрточку. Я видела, слепцы так делают…

— Очнулась? — спросили сверху. Надо мной во тьме вспыхнули золотые глаза. Мигом позже я поняла, что подушкой мне служат колени оборотня. И эти ласковые, горячие пальцы — его. Закусив губу, я скатилась, попытавшись отползти подальше. — Эй, маг, ты чего?

— Не… не прикасайся ко мне, — выдавила я, захлёбываясь кашлем. — Не прикасайся.

— Что, боишься? — Смешок. — Да не бойся, не съем, я вегетарианец.

— Извини, — наконец я прокашлялась. Нащупав бочонок, я прислонилась к нему спиной и подтянула колени к груди, обхватив их руками. — Извини, я не выношу прикосновений. Любых.

Не вру. И правда, я не выношу, когда прикасаются к моей коже. Я спокойно могу обнять знакомого или стоять спина к спине в драке, но сама никогда не касаюсь чужой кожи и не позволяю другим дотрагиваться до моей.

— Ясно, — у него был невероятно красивый голос. В нем слышался шорох сухих листьев и шепот ветра. Необычный для оборотня голос, обычно у них глубокий, звучный баритон, рычащий и напористый. — Скажи, маг, почему ты здесь? Или это

в счёт приданого?

Я вздохнула. Да уж, правда, в счёт приданого. Обед. Жаркое из Нюхача — деликатес.

— Кто-то из твоих родичей тонко намекнул, что лучше бы тебя отпустить. Сначала знахарку, что тебя лечила, загрыз. Потом невестку старосты. Вчера подавальщицу из корчмы. Меня наняли людоеда приструнить.

— И? Не удалось? — спокойно спросил мой сосед, а я с удивлением обнаружила, что не могу прочитать чувства оборотня. Я и не думала, что такое возможно — никто из знакомых мне Старших не умел блокировать мой нюх. Это становится интересным.

— Как видишь. Удалось — здесь бы не сидела.

— А за что тебя всё-таки кинули? Не верится, что наш добрый староста решил разнообразить мою диету свежей магятиной.

Я хмыкнула и, против желания, рассмеялась. Слово-то, какое… Интересно, мясо магов чем-то отличается на вкус от обычной человечины? Жаль, спросить не у кого. Людоеды долго не живут, а магов жрать — дело неблагодарное. Трапезу может прервать некстати очнувшееся блюдо. Помню, рассказывал нам один из Мастеров, как его гномы оголодавшие поймали и попытались превратить в ужин. На их горе, маг уже три месяца блуждал по горам и сам был не прочь подзакусить. Гномятина, по его словам, ничем не хуже оленины, только пожестче.

— А они решили, что я — и есть неуловимый людоед, — всё же ответила я.

— Ты? — несказанно удивился он. — Серьёзно? Ты же человек. Или за эту неделю рацион смертных резко изменился?

— Таких, как я, вы зовёте Ищейками, — невесело усмехнулась я. — Мне больше нравится: Следопыт или Нюхач. Вот меня и приняли за оборотня, а я доказать ничего не смогла. Теперь вот… Кстати, меня Рани зовут. А тебя?

— Лис, — представился он. — Зови меня Лис.

— Мог бы и не уточнять. Я знаю, настоящие имена вы не используете, меня, кстати, тоже Рани лишь кличут. Говорят, удачлива чересчур. Но, по правде, меня скорее Нира должны были прозвать.

— Ты странная, — заметил оборотень ни с того ни с сего. Золотые угли глаз потускнели, растворились во тьме. — Странная и холодная. Никогда не встречал никого, похожего на тебя. И меня ты не боишься, чую, хотя по всему выходит — должна. Неужели, тебе, в самом деле, уютно рядом со мной?

— А у меня есть выбор? — спросила я, а потом, вздохнув, пояснила: — Не то, чтобы уютно, но бояться я разучилась так

давно, что и не помню — каково это. Могу лишь представить себе по запаху. Да и не вижу я причин тебя бояться. Если до сих пор не тронул, значит, или не хочешь, или не можешь.

— Не хочу, — согласился Лис. — Могу, но не хочу. Здесь скучно. Неделю сижу, ни поговорить, ни послушать. Съесть тебя я всегда успею.

— Старшие людей не едят, — напомнила я.

— Не едят, — согласился Лис. — И, кстати, ты что-то там говорила о тонких намёках?

Я повторила услышанное от старосты и священника. Лис слушал, не перебивая, лишь шорох его дыхания напоминал, что я не одна в этой тьме. Зачарованный нательный крест, на который расщедрился священник, неприятно жег кожу. И ведь не снять эту гадость…

— Странно, — заключил Лис. — Кто ж это расстарался так? Неужто, Акир? Глупый мальчишка. Говорил ведь не ходить за мной. Наверняка, отец приказал проследить. Вот ведь…

Он выругался на незнакомом мне, певучем языке, отдалённо напоминающем древнерусский, и замолчал. Тихо стало… Ни звуков, ни запахов его мыслей — ничего. Даже дыхания не слышно.

— Слушай, Лис, а ты собираешься отсюда выбираться? — спросила я, устав ждать, пока оборотень сам заговорит. — Не верится, что Старшего можно удержать в подвале.

— Меня ещё никогда не сажали в подвал, — серьёзно ответил он. — Это воистину бесценный опыт. Если честно, мне всё равно, где быть. Где бы я ни был, я остаюсь свободен. Теперь никто и ничто не сумеет отнять мою свободу — я скорее уйду в Хаос. Ты права, захоти я, давно бы мчался по лесу. Но тогда бы я не встретил тебя.

— И? Меня ты уже встретил… Может, подумаем вместе, как выбраться? Да и оборотень твой. Я же знаю, Старшим человечину нельзя, он теперь обречён, свои же убьют. Лис расхохотался.

— За что? За то, что загрыз пару-тройку смертных, посмевших меня пленить? — С весёлым удивлением переспросил он, а потом неожиданно серьёзно добавил: — Ты действительно смешная, Рани. Ты мне нравишься. Скажи, Рани, у тебя есть хозяин?

Я закашлялась, подавившись так и не сказанными словами. Вот тебе и милый соподвальник. Договорилась! Знала ведь, Старшие могут казаться кем и чем угодно, но доверия заслуживают не больше людей. Меньше. По крайней мере, людей я могу понять, их мотивы и желания прозрачны и логичны. Старших же понять — легче познать Хаос. Их логика, мораль и

Законы не известны никому, кроме них самих. В один момент они могут смеяться над твоей шуткой, а вот уже вырвут тебе сердце. А потом поплачут, вспоминая смешного смертного. И забудут. Что им смертные — сколько ещё будет на их веку забавных игрушек.

— Так у тебя есть хозяин, Рани? — вновь спросил Лис.

— У меня нет, не было и не будет хозяина, — резко ответила я.

Я почти увидела, как он равнодушно пожимает плечами, дескать, что за капризы.

— Тогда я возьму тебя себе. Это будет интересно: повелевать Вьюгой. Я сказала, что не умею бояться? Кажется, только что научилась…

— Лис, я — маг. Выпускница Академии. Ты не можешь просто так взять, и стать моим хозяином. Это вызовет дипломатический скандал. Тебя за это по головке не погладят.

Со Старшими можно разговаривать только так, на языке разума. Единственный мой шанс — доказать, что владеть мной не выгодно. Откуда-то я знала, что противопоставить ему что-то ещё не смогу. Конечно, Старшие смертны, и убить оборотня задача мне вполне по силам, но в этом конкретном оборотне было что-то неправильное. К обычному для них аромату примешивалось ещё что-то. Незнакомое мне, опасное, сильное, горячее, сумеречное, осеннее, страшное, не человеческое и даже не старшее. Оборотень молчал. Думал. Потом сообщил:

— Скандал, может, и будет, но в масштабах вечности это — пустяк. Войной на нас из-за одного мага не пойдут. Ну, напишут ноту протеста, ну, повоет Вожак. И всё на этом закончится. Одна смертная не стоит того, чтобы из-за неё ссориться со Старшими. Даже маги это понимают.

— Я — Проклятая, — выложила я последний козырь. С Проклятыми опасались связываться даже Старшие… Правда, убивали они Проклятых ещё охотней людей.

— И что? Знаю… Клеймо сложно не заметить. Оно не твоё, ты из второго поколения. Люди глупы, что бы там ни было, дети не должны отвечать за родителей.

— Меня завтра сожгут, — сообщила я. Если до этого разговора перспектива мучительной смерти в пламени меня не прельщала, то сейчас казалась желанной. — Священнику и старосте нужно успокоить свою стаю, я стану их жертвенным козлом. Так что наслаждайся владением, пока можешь. Завтра от твоей собственности останется лишь пепел, да и тот по ветру полетит.

— Сожгут? Тебя? Ты, правда, веришь, что я позволю сжечь мою собственность? — Я не видела этого, но уверена — Лис

широко, довольно улыбнулся.

Нас вытащили из погреба спустя несколько часов. Увидев меня целой и невредимой, староста со священником окончательно уверились в том, что я оборотень.

— Свояк свояка… — злобно прошипел священник. — Нелюдь поганая.

Нелюдь? Да эта неразлучная парочка — большие нелюди по отдельности, чем мы с Лисом вместе взятые. Оборотень меня разочаровал. Не таким я его представляла. Это был рыжий парень, субтильный, всего пальца на два выше меня. Его спутанные, пушистые грязно-рыжие волосы были небрежно заколоты у основания шеи в хвост, длинный — на зависть девкам, до задницы. Спереди же пряди были неаккуратно, криво обкромсаны: справа — почти под корень, а слева чёлка была заплетена в три растрёпанных тонких косички, закреплённых костяными бусинами. У него были карие раскосые глаза с чуть вытянутыми зрачками, обведенными золотой каймой. Высокие острые скулы — у людей таких не бывает. На переносице россыпь тёмных веснушек. Брови и ресницы светлые, почти незаметные на загорелом лице. Он был одет в дорожный костюм, расшитый бисером, на шее болталась налобная повязка, вышитая золотой нитью. На мгновение я даже не поверила нюху — это оборотень?! Магия говорила одно — глаза другое. Оборотни — хищники. Этот же взъерошенный парень напоминал человека-наёмника, но не Старшего. От людей пахло не страхом, хуже — ненавистью. Стая почуяла кровь.

— Странные они. Не боятся, — произнес шедший рядом Лис. Ему руки связали освященной верёвкой. Глупцы — словно она способна удержать оборотня. Мне приходилось хуже. Кроме инстинктов Нюхача, врождённого дара, магия мне была не доступна, блокировалась крестом, который снять мог лишь священник. А без силы я — обычная человеческая девушка, не способная справиться даже с одним мужчиной.

— А что, обычно тебя боятся? — съязвила я. — Лис, боюсь тебя разочаровать, но ты не выглядишь опасным. Даже оборотнем — и то. Боюсь даже предположить, кем ты оборачиваешься. Не мышкой ли?

— Лисом оборачиваюсь, — серьёзно ответил он, дергая на себя верёвку, да так, что священник, державший в руках свободный конец, не удержался на ногах и покатился по земле, пачкая парадное облачение и сдавленно шипя. Пока его поднимали и отряхивали, Лис стоял спокойно, разглядывал собравшихся посмотреть деревенских. В конце концов, он заключил: — Говорил я, что ничего хорошего от помесков ждать

не придётся. Ни рыба — ни мясо. Ни одной души нет. Все уйдут в хаос, да даже кошмарами не станут — растворятся, исчезнут. Пора менять Законы, хватит смертную кровь портить.

В этот момент он не выглядел ни смешным, ни нелепым. Как-то неуловимо изменился. Вроде бы и прежним остался, но вот сейчас я видела перед собой не человека — Старшего. Мудрого.

— Ну что, нелюдь, оденешь моей Горыське ленту? — спросил староста, когда нас вывели на утоптанную площадку перед его домом, к вбитому в землю столбу, обложенному хворостом. Да что ж такое?! Ну почему Старших и магов всегда порываются сжечь? Нет бы, топить — но именно пламя, как считается, смывает грехи.

— Ленту? Человеку? — Пахнуло презрением, скукой и уверенностью. — Даже если бы я совершил подобную глупость, моя избранница не дожила бы до свадьбы. Моя семья не поняла бы шутки… Альянсы со смертными это словно с животными спариваться, если не хуже.

Я тихо застонала, закрывая глаза. Лис — ты действительно дурак, или притворяешься? Ну, к чему тебе это представление? Самоуверенный мальчишка. Даже оборотню не под силу перебить стольких вооруженных крестьян. Из подвала ты выбраться мог, верю, но здесь — не подвал. Если ты срочно не отрастишь крылья, что, по твоим же словам, невозможно, ибо лисам не дано, нам не спастись.

Глупая-глупая Рани. Снова я попалась на своей доверчивости. Поверила, что возомнивший себя моим хозяином Старший вытащит из беды, а уж вопрос принадлежности решила обговорить по факту спасения. Вот теперь и умру. И напишут на моей могилке: «Собственность оборотня». Да что я себя обманываю? Не напишут. Не будет могилки. Сожгут, а пепел над текучей водой развеют, дабы не осквернила Мать-Землю.

Вот Хаос! Говорили мне наставники, чтобы не связывалась со Старшими. Магам Единый велел истреблять поганое семя, не зря велел.

Я не сопротивлялась, когда меня привязывали к столбу. Не сопротивлялась, когда священник стянул с меня левую перчатку. А вот правую не смог. Совет позаботился, чтобы печать не мог снять никто, даже я сама. Но хватило и знака на левой — Ни-ра. Даже крестьяне знают его. Даже им известен Закон. Да ответят дети за родителей… Моя мать, Адьена Искра, была повинна в убийствах людей. Она использовала свой дар во вред простым, неодарённым. Её приговорили к Проклятию. Её и весь её гнилой род — до тринадцатого колена.

Моя смерть ничем им не грозит. Даже если приедут с Совета

разбираться, признают невиновность убийц. Да и не убийц — палачей. У Проклятых нет никаких прав. Даже права на жизнь. И пусть мне кажется несправедливым то, что приходится отвечать за грехи, совершённые не мной, ничего это не меняет.

— Боишься, Рани? — раздалось сзади. Нас привязали спина к спине. — Не бойся, не время ещё костры жечь. Листопад ещё владеет этим миром — не даст пропасть, не уступит Огню. А и сам Огонь возмутится. Не его я, он чужого не возьмёт.

Я заскрипела зубами. Ну что тут сказать? Утешает лишь, что самоуверенный горе-спаситель — самоназванный хозяин сгорит вместе со мной. Вместе пеплом по ветру полетим.

Священник тем временем торжественно сообщил «грязному нелюдю», что у того есть право на последнее желание. Меня и в этом обошли — не положено.

— Есть у меня желание, — покладисто сообщил служителю Единого Всемилостивого и Всепрощающего Лис. — Вопрос есть. Ответишь — считай, исполнил долг. Скажи мне, человек, есть ли в этом мире хоть что-то, что оправдывает его существование?

Кто-то в толпе сплюнул. Раздались крики, дескать, чего с ним разговаривать, жечь надо такого умного. Но священник не торопился. Я не видела происходящего за моей спиной, но чувствовала его суровый взгляд.

— А ты что, не видишь смысла? — спросил он. — Единый создал его, и создал прекраснейшим из миров. А ты, нелюдь, говоришь, что его существование напрасно?

— Значит, он достоин существования потому, что его кто-то создал. Глупо. Запомни, человек, сам по себе этот мир не стоит и выеденного яйца. Лишь что-то или кто-то В НЁМ может послужить оправданием тому, что хаос ещё не прорвал Грань. — Лис тяжело вздохнул. Под лопаткой, как назло, зудело. Я уже готова была сама поторопить поджигателей — двух мальчишек с факелами, стоящих рядом. Я попыталась почесать спину о столб, но примотали меня так крепко, что не удалось. А Лис тут рассуждает о мире и о смысле. Ненавижу Старших! Настолько, насколько вообще могу кого-то ненавидеть.

Тут мой взгляд зацепился за досадливо морщащегося охотника, стоявшего чуть в стороне, у плетня. К его ногам жалась золотистая поджарая псина с умными глазами и пушистым хвостом. Охотник грыз мундштук трубки и покачивал головой. Похоже, не нравилось ему происходящее, но благоразумия хватало на то, чтобы не вмешиваться.

— Поджигайте, — плюнул священник. — Горите вы, отродья, в пламени.

— Ну-ну, — спокойно ответил оборотень. — Попробуйте

сжечь. Посмотрим, удастся ли вам.

Страха нет. Только тупая обречённость, только усталость. Эти чувства мне доступны. Мне давно надоело бороться, уже не хочется жить. Это было лишь вопросом времени.

У этого мира нет смысла существования, нет его и у меня. Не считать же за него бесконечный путь, бесконечную борьбу за то, во что я не верю.

Дым. Горечь на языке. Я вжимаюсь в столб, словно пытаюсь слиться с ним. Это не страх — всего лишь рефлекс тела. Я жить не хочу, но оно — да. Охотничий пёс тихо подвывает. Ну что ты? По ком ты плачешь, Верный? По мне? Или по этому миру, которому совсем не стоит существовать?

Дым разъедает глаза. Сволочи, пожалели сухого хвороста, обрекли на удушье. Пламя не успеет добраться до меня, к этому времени я уже ничего не буду чувствовать. Даже магам нужно дышать…

Самое время вспомнить свою жизнь и признать грехи. Но не тянет на откровенность, даже перед собой. Не в чем раскаиваться, не о чем жалеть. И, если правда то, о чём рассказывают Старшие, это ещё не конец пути. Я вернусь. Прилечу ли на золотых крыльях, пройду ли сквозь осеннее пламя, буду ли в свите Сестры-Весны или взвою голодной вьюгой…

Кашляю, задыхаюсь, мысли путаются. Пламя занялось, лижет мои ноги, но жара я не чувствую. Ни боли, ни страха, ни жара — ничего. А вокруг паутина, словно гигантский паук поселился в деревне, опутал дома и людей своими нитями. Одна из них пронзает мою грудь. Пульсирует в такт моим хрипам, дергается, заставляет глупое тело биться в верёвках, изгибаться до хруста в позвонках. И голоса. Голоса с той стороны нити. Они зовут меня. Они просят меня. Они… И вдруг всё исчезает. Я обвисаю в своих путах, всё ещё не веря.

Огонь отступил. Словно живое существо, отполз от нас с Лисом, кольцом окружил.

— Не время жечь костры, — чей-то равнодушный голос. — Вы разбудили Осенний Огонь слишком рано, он не желает жертв, ему не нужны эти смерти.

Стоит. Наёмница. Маг. Я видела её где-то? В Академии? Красивая. Только странная. Не чистокровный человек, но и не Старшая. Чужая. Кто-то из Мастеров шептал украдкой, что она — Древняя. Лина… Да, её зовут Лина Огнь. Мастер Пламени, бывший член Совета, лет семь назад со скандалом его покинувшая и ушедшая на вольные хлеба. Та, о ком не говорят вслух, кого не вспоминают, но знают и помнят.

— Не приближайтесь! — Мастер Лина редко развела руки в

стороны. Огненная дуга вспыхнула между её ладонями, серпантином закружила. Высший уровень сродства со стихией. — Стоять! Кто приблизится — уничтожу. За моей спиной засмеялся Лис. Хрипло. Безумно.

Охотник, тот самый, с трубкой, медленно двинулся к костру, но его огненный маг не остановила. Мужчина легко перепрыгнул через черту пламени и хмыкнул. Пёс отстал от него на шаг. Скользнув по мне взглядом, охотник обошел костёр.

— И что ты творишь? — с легкой укоризной произнёс он. Я почувствовала, как осыпаются мягкими хлопьями верёвки. Странно, жара всё не было, казалось, просто кто-то провёл меховой кисточкой по коже. Почувствовав, что свободна, я отлепилась от столба и, покачиваясь, спустилась к охотнику. Оставалась пара шагов, когда ноги не выдержали, но Лис подхватил меня, не дал упасть. Охотник хмыкнул и вновь закусил мундштук. А потом вдруг оказался рядом и, широко размахнувшись, отвесил поддерживающему меня оборотню оглушительную оплеуху. Голова того мотнулась, но он не только устоял сам, но и меня не отпустил. Я чувствовала жар его кожи, но, почему-то, не попыталась освободиться. А охотник рычал: — Глупый мальчишка! Возомнил себя бессмертным и неуязвимым?! На каждое бессмертие найдётся излишне изобретательная казнь! И Акира бросил, Эйш-Тан! Ты хоть понимаешь, что он натворил без пригляда?! Да ему теперь жить с этим! Думаешь, просто так Законы устанавливают?! Ты хоть понимаешь, чего мне стоило созвать Совет Семей и освободить тебя! Две недели! Две недели свободы — и ты уже влип в неприятности! Иногда мне кажется, что ты ищешь Хаоса! Либо ты прекращаешь валять дурака, либо…

Лис сверкнул наглыми глазами и сплюнул на чёрную землю. Стукнули друг о друга бусины. Этот тихий, почти неслышный звук набатом ударил мне в виски.

— Ты решил мне приказывать? Мне?! — А в голосе изумление. Не наигранное. Словно и правда представить не может, что кто-то осуждает его безумство. — Мне приказывать?! Ты что, окончательно разум потерял?

— Он прав, старый пень, не в праве мы ему, молодому да горячему, крылья подрезать. Не сгорел бы и без нас, — рассмеялась Мастер Лина. — Эй, Лисёныш, ты только объясни мне, старухе, чего это в подвале решил отсидеться? Охота в этом году знатная… Поехал бы с нами, развеялся, поймал бы ветер в крылья. Самое то, после…

Она не успела закончить, в охотника полетел первый камень. Деревенские сбились в стаю и, подбадривая себя криками и молитвами, атаковали. Дурное дело — нехитрое.

Я думала — конец деревне. Огненных магов не зря считают безумцами. Все они в ярости теряют голову. Говорят же — не дразни Пламя. Но нет. Не Мастер Лина остановила людей, а странный охотник. Просто вытянул руку и, легко шевельнув пальцами, остановил камни. Они замерли в воздухе, а он насмешливо глядел на людей. Уже не стаю — стадо. Сухой щелчок — и камни легли на землю.

— А она кто? — спросил он доброжелательно, но от этой его доброжелательности меня пробрала дрожь. От него веяло безразличием, гарью и вишневым табаком. — Маг?

— Проводник. Ты сам хотел, чтобы я нашёл себе спутника. Эту девочку за оборотня приняли, она… интересная. Я решил стать её хозяином.

Вот тут-то и исчезли все остававшиеся у меня иллюзии. Я уже обрадовалась, решив, что охотник и маг сумеют вбить в голову молодому оборотню, похоже, впервые выбравшемуся из своих дебрей, правила мира людей. Они лишь посмеялись. Словно… Словно сказанное Лисом было в порядке вещей.

— Смотри, Лисёнок, хлебнёшь с ней горя. Не выйдет из неё слуги. Да и не нужен тебе слуга, а кто нужен — того сам пленить не сможешь, да и не захочешь, — отсмеявшись, сообщила Мастер. Я уже мысленно поблагодарила её за заступничество, но маг добавила: — Но раз уж назвал её своей, ничего не поделать. Твоё слово многого стоит, Лисёныш. Ну, по крайней мере, скучать и пакостить некогда будет. Может и выйдет чего хорошее…

Охотник тем временем потерял к нам интерес. Он оглядывал людей. По-хозяйски так оглядывал, словно хозяин припасы. Пришлось напомнить себе, что люди в пищевой цепочке стоят рядом с оборотнями, а не под ними.

— Идём, — бросил охотник, похлопывая себя по сапогу тонкой плеткой, вытащенной из-за пояса. — Идём, здесь больше нечего делать. А нам пора, и так охоту пришлось прервать из-за тебя. Позоришь нас перед людьми, Лис, позоришь…

И покачал головой. А потом глянул на меня так, что захотелось стать маленькой и незаметной. А по ободку зрачка золотые искры кружат. Растущие искры, поглощающие хищную карь его глаз, скрывающие её.

— Идём, — Лис потянул меня вслед за охотником и магом. Шаг. Ещё один. Ноги подкашиваются, и я падаю. Падаю в огонь, в листву, в осень, в небо… Падаю куда-то, а вокруг — паутина. И нить, пронзающая меня, сияет, сгорая в холодном, зимнем пламени. И смеётся кто-то. И пахнет морозом, страхом и жалостью, и жаждой, голодом. Скрипит снег, с тихим шорохом ложится на стылую землю… И поёт кто-то детским, тонким

голоском нескладную песенку, слов которой я почти не разбираю… О трёх сёстрах-Вьюгах: Кровавой, Белой и Аметистовой.

Пахло прелой листвой, дымом и подгоревшей кашей. Я чихнула и открыла глаза. Под головой что-то мягкое — куртка Лиса. Левую ладонь неприятно покалывает, зудит клеймо. Я села, покрякивая, словно древняя старуха. Лис, сидевший возле костра, обернулся.

Он успел привести свои космы в относительный порядок, а ещё где-то взять сменную одежку. Рыжие волосы он заплёл в косу, кончик которой сейчас скользил по земле. Косички переплёл. На нём был кожаный охотничий костюм, ничем не украшенный и плохо скроенный. Под курткой на выпуск белая рубаха, расшитая по подолу алыми листьями. Из-под ворота выбился медальон. И откуда у него алый янтарь — один из самых дорогих самоцветов?! А кулон красивый — кленовый лист. Гномья работа, только они способны создать подобное чудо. Только вот не к месту он на шее этого рыжего бродяги-оборотня, совсем не к месту. И не на цепочке болтается, а на кожаном шнурке — позорище. Ему бы в золотую оправу, и на шейку к жене Советника… Лис потянулся и сладко зевнул.

— Давай-ка, вставай, до чего же хлипкие вы, люди. Иди-иди, поешь. С голодной Вьюгой разговаривать — смысла нет. Поешь, потом поговорим.

Я не стала отказываться. И правда, сутки, а то и больше, ничего не ела. Живот подводило от голода.

— А это кто? — я только заметила, что мы с Лисом не одни. Чуть в стороне от костра на плаще сладко спал беловолосый парень, по виду мой ровесник. Вот уж он-то — настоящий оборотень. Мне даже нюхать не надо было, чтобы определить это. Большой кот.

— А это Акир, — сообщил Лис, накладывая в помятую миску горелую кашу. — Оборотень. Тот самый, на которого ты так неудачно поохотилась. Мне поручили присмотреть за ним, а то ведь, и правда, вина моя, что он человечину попробовал. Теперь мне и отвечать.

Он протянул мне миску, чуть подвигаясь, освобождая место на коряге. Я, подумав, села на землю, подальше…

— Глупая… — произнёс Лис, усмехнувшись. — Вот уж глупая… Теперь-то чего шугаешься? В каком-то из миров говорили, что поезд ушёл — не догнать.

— Поезд? — уцепилась я за незнакомое слово.

— Карета такая… — пояснил Лис, почему-то поморщившись. — Ты ешь, давай, а то остынет.

Горькая каша в рот не лезла. А ещё что-то меня беспокоило. Что-то было не так со мной. Я было списала ощущение неправильности на отсутствие левой перчатки, но…

Миска полетела на землю. Я ухватилась за горло, щупая, оттягивая, пытаясь сорвать…

— Не выйдет, — жестко. — И не думай, что сейчас вот убьёшь меня, и освободишься. В могилу за мной пошла бы, если бы в твоих силах мне навредить было. А ты слушай-слушай, Вьюга, и не пытайся снять, на пять десятилетий моя ты. Отслужишь верно — отпущу.

— Мразь! Я же помочь тебе хотела! Перед людьми заступилась, думала, по глупости да молодости попался! — прохрипела я, пытаясь стянуть нить-удавку. Ошейник. Словно у собаки какой. — Лис, какая же ты всё-таки мразь!

Кашу жаль. Полетела вместе с миской в оборотня. Если бы я попала, а так — только перевела еду. А Лис сверкал своими бесстыжими глазищами и улыбался. Словно дитя расшалившееся перед ним было, а не разгневанный маг, который, дай срок, отомстит за унижение.

— Смирись, Вьюга, — сказал он. — Смирись, так нам обоим будет легче.

Вещи мои забрать оборотень не догадался, пришлось латать то, что было на мне. Сложная задача. Ни иголки. Ни нитки. Пришлось вспоминать усвоенное из курса бытовой магии и латать дыры заклинаниями. Как говорили в Академии — палим огненными шарами по мухам.

— Тебе помочь? — спросил кто-то. Я подняла голову: Акир проснулся. Он дружелюбно улыбался, сверкая хитрющими зелёными глазами. — Эй, я спрашиваю, тебе помочь? Ты Рани? Я — Акир. И, между прочим, ни один оборотень не полезет на мага, если в пределах досягаемости есть добыча поспокойней. Ты там в кустах так шумела, что я решил не мешать тебе культурно отдыхать.

Не вязался образ насмешника с тем, что я знала об Акире. Хотелось разулыбаться в ответ. Только вот я видела, что осталось от двух его жертв и предполагала, что стало с третьей. Нет уж, не котёнок ты…

Я молча продемонстрировала оборотню куртку, оторванный рукав которой сейчас пыталась пришить магической нитью. Акир покачал головой, нахмурившись.

— Принеси ей новую одёжку, — вмешался Лис, до этого лениво наблюдавший из-под ресниц за танцующими в воздухе осенними листьями. Листопад ещё не вступил в свои права, но его дыхание уже разливалось в воздухе. — В получасе отсюда

Егеря лагерь, отправляйся туда, спроси, наверняка найдётся что-нибудь. И, Акир, постарайся не попадаться ему самому на глаза. Акир кивнул, а потом нерешительно произнёс:

— А будет ли мне позволено спросить…

— Нет. Никаких вопросов.

— Да, Эйш-Тан, как пожелаете. — Глубокий поклон, белые волосы мазнули по земле. А потом он прыгнул, выставив перед собой руки. Я едва удержалась от вскрика. На землю приземлился уже не человек — снежный тигр. Рыкнул и умчался, вырывая когтями перегной, мотая длинным хвостом и фырча.

— Вот идиот, теперь ему и для себя одежду придётся искать. — Лис вытянул одну ногу и запрокинул голову. Под его глазами отчётливо проступили лиловые тени. Мне не хотелось разговаривать с ним, но кое-что в словах Акира меня заинтересовало. Настолько, что я даже забыла о воём решении придерживаться вооруженного нейтралитета и игнорировать врага.

— Эй, Лис, а почему Акир назвал тебя Эйш-Тан?

— Потому, что это — мой официальный титул.

— Не лги. У меня есть знакомые оборотни, я знаю, кого называют Эйш-Тан.

— И кого же? — неподдельно заинтересовался рыжий.

— Эйш-Тан — бог оборотней. Их хранитель. Дух стихии, живущий за Вратами Мира. Оборотни поклоняются Листопаду.

— Да? Интересно… Ну ты почти права. Можешь считать меня кем-то вроде его жреца.

— А не слишком ли ты молод для того, чтобы быть жрецом?

— А с чего ты решила, что я молод?

— Лис, никто не может точно определить возраст Старшего, но я достаточно повидала вас. Ты молод, это видно по всему… Молод даже по человеческим меркам. — Под конец я не удержалась от злого укора. — И ведёшь себя как ребёнок, который считает, что может взять всё, что его заинтересовало, присвоить, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Он открыл глаза, на миг блеснувшие золотом. Я отложила куртку, закутавшись в воняющий гарью плащ. Три заклинания наложила — без толку, запах не исчез полностью.

— Молод… — повторил он. — Молод… Ты интересный человек, Вьюга. Иногда мне кажется, что ты видишь много больше простых смертных. Нам путешествовать вместе, так что я объясню, просто ради того, чтобы ты не совершала ошибок, считая меня юнцом, у которого ветер в голове гуляет. Это не так. Я давно перешагнул тот рубеж, когда перестаёшь считать прожитые годы. Я — не стар. Я просто…

Он хотел добавить ещё что-то, но его самым обидным образом прервали. На поляну ступили трое. Акир смущенно глянул на меня, кутаясь в алый плащ. Охотник осмотрел лагерь и, поморщившись, кинул мне связанную в узел одежку. Мастер Лина ободряюще улыбнулась.

— Егерь, что тебе нужно? — спросил Лис. — Я уже всё сказал, решение моё осталось прежним. Я не намерен возвращаться.

— Лисёныш, прекрати огрызаться, — маг устроилась на бревнышке. — Никто не собирается оспаривать твоё право. Совет Семей сказал своё слово. Теперь ты можешь делать, что хочешь. Пока не сорвёшься. Если не сорвёшься.

— Мы пришли попросить тебя кое-что проверить. Тебе всё равно, куда идти, а нам прерывать охоту нельзя.

— Говори, — буркнул Лис. — Что случилось?

— Си'Эн не вернулась. Она должна была вернуться до… — Егерь кинул на меня недружелюбный взгляд и скомкано закончил: — Сам знаешь, до чего. Она получило право у Ариде'Най, но не у меня и не у кого из нас.

— И что вы от меня хотите? — насмешливо спросил Лис. — Она — не враг мне. Я не имею ничего против её задержки.

— Мальчишка! — рыкнул Егерь. — Ты понимаешь, что с ней станет, если она не вернётся до времени костров?! Огнь ненавидит её. Я не прошу тебя отстаивать право Семьи, я прошу спасти Си'Эн. Найди и верни её. Мы не можем её потерять. Не сейчас. Лис задумчиво потер переносицу.

— Мне не до поисков сейчас. Листопад на носу, — неохотно признал он. — Самому бы не пропасть, а ты ещё просишь искать кого-то. Предлагаешь погнаться за двумя зайцами и упустить обоих? Такие глупости не в моей природе.

Странно. Мой дар ничего мне не говорил. Я не чувствовала этих троих. Только от оборотня, который вел себя тише воды, ниже травы, пахло благоговением, покорностью и страхом. А эти трое были иными. Да, я чувствовала их запахи их сути, но не их слов и поступков.

— Ты всё ещё не нашёл его? — как-то жалостливо спросила Мастер Лина. — Лисёнок, как же ты так? Ты же понимаешь, если ты вновь сорвёшься, Совет может счесть это последней каплей.

— Я не вижу его, — Лис нахмурился. — Не вижу! Нет ничего в этом мире, что бы оправдывало его существование. Ничего и никого. Егерь помолчал, а потом, крякнув, тихо спросил:

— Так ты поищешь её? Может, и свою потерю отыщешь… Тебе же всё равно, куда идти…

— Поищу, — согласился Лис. — Она собиралась нанять проводника в Костряках. Всё равно я собирался наведаться туда.

— Вот и отлично, Лисёнок, — маг хлопнула себя по коленям и встала. — Идём, Егерь. Кони застоялись, пора дальше отправляться. Осень коротка, а нам всё успеть надо…

И ушли. А мы остались. Лис крутил в пальцах сухой лист, разглядывая его из-под ресниц. Акир кутался в алый плащ с чужого плеча. Я же размышляла о том, во что в этот раз вляпалась. И как теперь выпутаться.

— Одевайтесь, — произнёс Лис, не отрываясь от своего занятия. — Мы отправляемся. До ночи нужно добраться до Костряков, а то ворота закроют, придётся ночевать под стенами.

Я ушла за деревья. В узле отыскались ладные сапоги, широкая рубаха из мягкого оливкового сукна и такой же, как был на Мастере Лине, костюм: из плотной ткани винного цвета, сшитый на эльфийский манер, но без лишних украшений.

Переодевшись, я отбросила мысль о побеге и вернулась в лагерь. Не смирилась — решила дождаться лучших времён.

— Держи. — Я кинула Лису, собиравшему вещи, пустые ножны. — Мне они не нужны.

— А? — он как-то непонимающе уставился на меня, потом на ножны. — А… Оставь себе. В Костряках купим тебе меч. Кто знает, куда мы отправимся дальше, оружие тебе не помешает.

Я покачала головой, а внутри поселилась робкая надежда. Нет, Лис не монстр. Не стал бы монстр заботиться о том, что мне нечего надеть и нечем себя защитить. Если постараюсь, сумею убедить меня отпустить. А пока пойду с ним. Ведь я, в самом деле, обязана ему кое-чем, да и путешествовать в компании оборотня может оказаться не так уж страшно. Что бы он ни говорил, относится он ко мне не как к рабыне — как к нанятому проводнику, а вот люди теперь, когда моя тайна перестала быть тайной, могут начать охоту на Проклятую. Но оружие мне действительно не нужно, я просто не умею им сражаться.

— Что? — удивился Лис, а потом с сомнением уточнил: — У магов ведь принято учить своих адептов владению сталью? Или нет?

— Принято, — согласилась я, разглядывая свой плащ, морщась от горькой вони. — Но меня металлы не любят почему-то, так что пришлось осваивать кнут. У нас в Академии Мастер Оружия была универсалом, помогла выучиться, да пару заклинаний подсказала…

— Кнут, значит… — Лис глянул на меня как-то по особенному. — Подходит тебе, Вьюга.

Я не стала спрашивать, почему он упорно зовёт меня так. Знала и без того. Старшие видят много больше людей. Если он увидел скрытое перчаткой клеймо, то почему бы ему ни заметить,

что скрывает вторая, зачарованная, Печать Совета?

Акир кое-как натянул на себя найденный Лисом тёмный костюм. Алый плащ он аккуратно свернул и спрятал в поклаже. Лис лишь улыбнулся.

28 ноября

Раскинуть руки. Запрокинуть голову. Вокруг меня седые скалы и бесконечно глубокие сизые небеса, под ногами — пропасть. И снег. И ветер. Раскинуть руки — обнять весь мир. От Грани до Врат.

Одна убивает, вторая прощает, а третья? Третья просто знает, её не обмануть, ей не солгать… Обнять весь мир и рассечь его на две половины. Что я? Кто я?

Я — Вьюга. Я — Плеть. Я — Игла. Я то, что рассекает мир, я то, что его сшивает…

В снег под ногами золотом сияет. Золотом его крови. Золотом его жизни. Жизни, которую я сохранила ценой своей свободы. Мой князь… Не мой. Чужой. Осенний. Кто я? Что я?

Одной принадлежат души убийц, второй — равнодушные, холодные. А третьей? Третьей не нужны души. Она жаждет лишь знания. И тепла… И прикосновений… Третья всегда была иной, всегда хотела познать то, что не могла получить. Плетью рассекаю мир на две половины, кружу снежинками, вою ветром…

Рассыпается хлопьями человеческая одежда, проступает на белой коже голубой узор вен, по которым бежит стужа. Я смотрю вниз, в пропасть, в бездну. И делаю шаг. Мне не нужны крылья, чтобы летать.

ГЛАВА 2

17 — 19 сентября

Я не смирилась, не стала лучше относиться к своему странному хозяину, но было бы глупо бороться с тем, что сильнее меня. Жизнь научила меня, что упав в Реку не стоит бороться и дергаться — утонешь. Плыть по течению — единственное спасение. Куда-нибудь, да вынесет.

Мы, конечно же, опоздали. Сколько не колотили в ворота, в город нас не пустили. Вместе с такими же бедолагами, мы устроились на ночлег под стенами, прямо у обочины. Компания подобралась на загляденье: цыгане и мы.

Вскоре все собрались вокруг разожженного цыганами костра. Запела гитара, зафырчала каша, заплясали тени. Запахло тоской, сыростью и вольным ветром. А Лис не подошёл, побрезговал, наверное. Он стоял поодаль, пощипывал подбородок, глядя в пламя. А потом запрокинул голову и обнял себя руками. И замер. Я машинально баюкала замотанную оторванной от старой рубахи полосой левую руку. Знак отрывисто пульсировал, судороги пробегали от ладони до предплечья.

— Великий Князь не присоединится к нам? — спросил один из цыган у Акира. Я вздрогнула. Князь? Это ведь старый дворянский титул, давно исчезнувший и теперь встречающийся лишь на страницах летописей да романов. Но Акир не удивился вопросу. Улыбнулся, сверкнув клыками, и покачал головой.

— Князь в печали, — только и сказал.

— Может быть, мы сможем развеять его грусть? — спросил седой цыган.

— Можете. — Я вскинулась, оборачиваясь. Лис стоял за моей спиной, робко улыбаясь, теребил косичку. — Спойте мне одну из тех песен, что храните пуще золота. Спойте мне о старом мире… Спой о дорогах, что помнят каждого, ступавшего по ним. О дорогах, ведущих в небо…

— Как пожелает Великий Князь, — цыган степенно склонил голову. Лис поморщился.

— Не зови меня так, странник. Когда-то человек вашего рода позвал меня Лисом. Пусть будет так. Мне нравится это имя.

Да что здесь происходит?! Оборотень?! Нет… Не оборотень. Цыгане не чтят Старших. А Лиса чтят. Уважают. И рады ему угодить.

КТО он?! КОГО цыгане, не признающие над собой никого и

ничего, поклоняющиеся дорогам и ветрам, могут звать Великим?! Чьи пожелания — закон для них?!

Есть Старшие и есть люди. Никого больше. Только духи и стихии, живущие за Вратами, в другом мире. Боги Старших. Горло перехватывает, я ужасаюсь догадке и отбрасываю её. Это смешно!

Твержу про себя, что Стихии неразумны и бесплотны. Вспоминаю лекции, каждое слово. Нет. Маги знали бы. Мастера предупреждали бы учеников.

А молодой цыган уже настроил гитару и запел. Лис сел между мной и Акиром, подтянул колени к груди, обхватил рукам и упёрся в них подбородком. Словно ребёнок. А в глазах золото. Темное, опасное, манящее. Осеннее золото опадающих листьев и тусклого солнца. Золото Осеннего Листопада.

От вопроса до ответа, Через пропасти невзгод, По ветру и против ветра, То назад, а то вперёд. От истока до итога, То в довольстве, то в нужде, То за Богом, то от Бога, Вслед блуждающей звезде.

Острые скулы, отливающая бронзой чистая, разом лишившаяся грязных веснушек, кожа, чуть заострённые уши, длинные рыжие волосы. Рыжие? Нет… Кажется, в его гриве сплелись все цвета листопада — багрянец и злато. Тысячи оттенков, миллионы тонов. Я никогда не думала, что их существует столько. Каждый волосок чуть отличается от остальных.

Он чуть поворачивает голову, смотрит на меня. И нет в этом взгляде обычной хитринки — только тоска. И понимание. Он знает, что я знаю.

— Вот видишь, Вьюга, как всё получилось… — шепчет он тихо, почти неслышно. — Видишь? Скажи, Вьюга, почему? Почему я не должен уничтожить этот мир? Что есть в нём? Кто есть в нём? Зачем ему существовать?

По одной дорожке бродим, Этот — слеп, а этот — зряч. Жизнь — не жизнь, а что-то вроде В свете призрачных удач.

Память — в грош, судьба — на ветер, Мысль — кругами по воде… Всё на свете, всё на свете От беды к беде.

В неверном свете пламени его лицо кажется иным. Словно танцующие тени сорвали с Лиса маску и унесли с собой, стёрли всё человеческое, что было в нём. Оставили лишь тонкую оболочку плоти. А внутри? Что внутри этого тела? Кто смотрит на меня из его глаз? Что рвётся на волю из его зрачков?

Каждый день — подарок неба, Каждый миг — игра судьбы. Стань таким, каким ты не был, И останься тем, кем был.

В вечный путь, не зная срока, Сам себя благослови. Есть же

где-нибудь дорога От любви к любви.

Цыган продолжает петь, но Лис уже не слушал его. И я не слушала. Я смотрела в его глаза и спрашивала себя: как возможно, чтобы в этом хрупком, смертном теле была заключена ТАКАЯ суть?! КАК? И как я могла принять ЕГО за Старшего?!

— Ты очень интересная смертная, — повторил он в который раз. — Я никогда не встречал никого столь похожего на нас, но порождённого Порядком. Ты более принадлежишь Хаосу, чем его истинные дети.

И встал. Развёл руки, поклонился — едва-едва, но ниже, чем мог в моем представлении позволить себе. Рыжие волосы казались ожившими языками пламени, а глаза сияли.

— Вы прогнали мою тоску, дети первого из миров. Спасибо вам. Я хочу отблагодарить вас. Просите. Просите, чего хотите.

— Расскажи нам сказку, Князь. Сказку одного из тех миров, что давно канули в Хаос, — попросил предводитель цыган. — Это будет лучшим подарком для нас. Мы запомним твои слова, и будем нести их, передавать, хранить…

Лис рассмеялся. Счастливо. Громко. Радостно. Беззаботно. Он не сел — закружил вокруг костра. Он рассказывал, кружился, пел и смеялся. И кружили с ним две цыганки, словно в танце. И трещало пламя. И разливался в воздухе пряный, цветочный аромат свободы.

— Ты улыбаешься? — А я и не заметила. В голосе Акира удивление. — Я думал, ты и не умеешь.

— Он… невероятен! — Это чувство… Что это? Не удивление, не счастье. Что-то огромное, светлое и чистое. Что-то рвущееся наружу. Хочется смеяться и плакать. Хочется встать и присоединиться к златоглазому мальчишке, плетущему вязь танца, музыки и слов. Стать частью происходящего. Почувствовать его, слиться с ним.

— Не смотри, Рани. — Горечь. Тоска. Какая-то детская обида в голосе оборотня. — Не нужно. Не тревожь душу. Этот дар не для нас с тобой — для них. Они помнят его таким, и он вернулся на миг, потому, что они так пожелали. Этот Листопад давно исчез, нет больше огненного сказителя.

— Почему?

— Он нарушил Закон, Рани. Десять тысяч лет он спал, и сон этот был — что смерть. Десять тысячелетий Листопад ждал своего повелителя. Он вернутся, в последний день лета его пробудили. И наш народ возрадовался, мы слишком долго жили без него. Он — наш Защитник.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому, что он приказал. Ты нужна ему, он верит, что

сможет с твоей помощью найти то, что когда-то потерял.

— Что найти? — спросила, а сама замерла. Словно кролик перед удавом. Нас разделяет лишь пламя. Глаза в глаза.

— Смысл существования, Вьюга… Скажи, он есть? Есть в этом мире хоть что-то, что оправдывает его существование. Есть? — В его голосе искры костра и ночной ветер. И мольба. Словно мой ответ может всё изменить. И приказ, которому я не могу не подчиниться. Прежде, чем успеваю задуматься, отвечаю. Отвечаю чужим голосом. Чужими словами.

— Есть. Я не знаю, существуют ли любовь, дружба, вера… Я знаю только, что пока в этом мире есть кто-то, готовый поделиться своим теплом с другими, он достоин существования.

Он протягивает руку, касается пламени, и огонь, словно ласковый зверь, лижет его тонкие длинные пальцы. Кольцами застывает алыми, танцует в его зрачках.

И Лис вновь меняется: распрямляет спину, расправляет плечи. И тени соскальзывают, убегают с его лица, уносят горькие складки и морщинки.

— Да будет так, Вьюга. Ткачиха не солгала, когда сказала, что я найду потерю там, где и не искал. Спасибо тебе, Вьюга… Спасибо, что подарила мне его.

И зачерпнул огонь горстями. И рассыпал его брызгами. Горячими, но не обжигающими. Тёплыми. Как его смех. Как его пальцы. Как его…

Огненные брызги. Танец чернокудрых красавиц и песня скрипки старого цыгана. Безумие и невероятная правильность происходящего.

И свобода. Пьянящая не хуже вина. Абсолютная свобода. То, чего я жажду больше всего на свете. То, что я и не надеялась когда-либо найти.

В этот момент я поняла: не важно, есть на мне ошейник или нет. Не важно, в качестве кого, но я пойду за ним куда угодно, сделаю ради него что угодно. И я возненавидела его за это.

Я ожидала чего угодно, но только не того, что увижу утром привычного Лиса. Прежнего. Так же мало походящего на стихию, как я сама. Неказистого и нелепого, некрасивого и не вызывающего у меня ничего, кроме раздражения. Мне не удавалось совместить их: Лиса и Листопад. Я не могла заставить себя поверить, что два столь разных, ни в чём не похожих существа могут быть одним.

Он сидел у потухшего кострища. Ни цыган, ни Акира не было видно. Ушли? А были ли они вообще? Всё произошедшее сейчас казалось мне сном. Прекрасным, но сном.

— Зачем ты маскируешься под человека, Лис? — спросила я

хриплым со сна голосом. — Неужели стихии нужно всё это?

— Что это? — меланхолично переспросил он, теребя кончик заплетённых в косу волос. — Ты о плоти? И, Вьюга, забудь всё, чему тебя учили в этой вашей Академии. Я — не стихия. Не скажу, что стихий не существует — они есть. Но их могущество столь велико, что, вырвись они на свободу, никто и ничто не смогло бы удержать смертный мир от того, чтобы кануть в Хаос. Я же из Древнего народа, который в прошлом мире звали фейри. Я — Осенний Князь фейри. Мы бессмертные духи, слуги стихий. Их аватары. Их повелители. Их воплощения. Их младшие братья и сестры. Я медленно пыталась переварить услышанное, а Лис тем временем продолжил:

— И, не заблуждайся, ты видишь меня таким, какой я есть. Уж извини… Вчера я вошел в силу, был больше стихией, чем фейри. Но Листопад ушёл. Лишь одну ночь он владеет смертными землями, и эта ночь закончилась.

И встал. Покачал головой и пронзительно свистнул. Из кустов с оглушительным треском выкатился белый тигр. Отряхнулся. Повёл ушами. Сверкнул зелёными глазищами.

— Акир, перекинься, — с лёгкой укоризной. — Мы город идём.

— А зачем нам в город? — спросил оборотень. Я спешно отвернулась. Не то, чтобы засмущалась, но… — Великий, вы выдержали, вы справились. К чему теперь нам в город людей?

— Ты забыл, что я дал обещание Егерю? Си'Эн должна была нанять в этом городе проводника и телохранителя. Нужно выяснить, не возвращался ли он.

Я вздохнула и, не глядя на спутников, начала собираться. Смешно сказать — собираться. Из вещей у меня один грязный плащ, на котором я спала.

— Эй, Вьюга, пойди-ка сюда! — окликнул меня Лис. — Иди-иди, не бойся.

Я подошла, стараясь не смотреть на фейри. Фейри — слово-то какое… Запоминающееся. Я встречала его раньше, когда сбегала с занятий и просиживала в библиотеке, копаясь в старых летописях и дневниках магов прошлого. Но я думала, что фейри это — Старшие. Так выходило из кратких упоминаний и намёков. Щелчок. Серебряная нить, как живая, переползает на его запястье.

— Ну вот. Ты ведь хотела избавиться от него? Я провела ладонью по шее и резко отвернулась.

— И чем ты теперь недовольна? — Я недовольна? Это в его голосе воет ветер. Это от него пахнет раздражением и непониманием. А я…

— Думаешь, я счастлива сменить один ошейник на

другой? — тихо. И в крик: — Я ненавижу тебя! Ненавижу за то, что ты сделал со мной! Да, ненавижу. Лис научил меня бояться, а теперь вот — и ненавидеть.

— Ты дал мне понюхать, каково это — быть абсолютно свободным, но мне никогда не познать этого. Ты показал мне то, чего я желаю больше всего на свете, и тут же отнял. Ты снял свою безделушку, но оставил поводок. За это я должна быть благодарна? Этим я должна быть счастлива?

И вышла на дорогу и направилась к открытым воротам. Глотая сухие рыдания и пытаясь найти в себе силы отказаться. Уйти. Забыть. Но я знала — не выйдет. Хочу я или нет, я пойду за ним. И умру за него. Только ради надежды — увидеть ещё раз, почувствовать, закружиться, согреться. Познать. Освободиться. И вновь почувствовать как натягивается поводок в его руках.

Теперь я понимаю, почему среди магов нет воистину верующих в Единого. И понимаю, почему ученикам не говорят о фейри. Ведь знают о них старые мудрые Мастера, наверняка знают. Только вот, увидев бога, нельзя больше служить людям. Они изменяют смертных, порабощают, уводят. И нет спасения тем, кто взглянул в их глаза и увидел своё отражение.

Вокруг поставленной для защиты границы крепости за десять лет вырос город. Город, который я вот уже пять лет считала своим домом.

— Куда теперь? — спросил незаметно догнавший меня Лис, за которым хвостиком бежал Акир. — Веди, Вьюга.

— Куда?! — я растерянно глядела на фейри. — Лис, у меня не монетки. Все деньги остались у старосты со священником, будь они прокляты.

— Держи, — Лис снял с пояса и кинул мне тяжелый кошель. — Бери-бери. Считай, это я долг тебе отдал. Да не смотри ты так! Ты же всех вещей лишилась. Этого ещё и мало окажется. Скажешь тогда. Деньги у меня есть. Не так много, но чтобы купить всё необходимое на первое время хватит.

Ах да… Хватит…. А чего же ещё ждать от Великого Князя, на шее которого болтается камешек стоимостью в десять тысяч золотых? Правда что-то подсказывает мне — с ним он не расстанется ни за какие деньги. Нет-нет, а дотронется до него, проверит, на месте ли. Не беспокоился бы так о побрякушке, пусть и дорогой. Я вообще сомневаюсь, что он знает её стоимость. Откуда?

— Пойдем в «Лисий Хвост». У меня там кое-какие вещички на сохранении оставлены, да и хозяин из бывших наёмников, привечает всех, кто готов платить: и людей, и Старших.

— Название мне не нравится, — поморщился Лис.

— Это чем?

— Ну а ты бы согласилась остановиться в месте, которое звалось бы «Человеческие Кишки»? Да ладно, ладно! Идём!

— И, Лис, постарайся не выделяться…

Он устало вздохнул и потер переносицу. Что-то хотел сказать, уже открыл рот, но резко передумал.

— Хорошо. Постараюсь.

В «Лисьем Хвосте», как всегда, было не протолкнуться. Здесь жизнь не замирала ни на секунду. Когда ты внутри, нельзя было сказать, ночь или день там, за стеной. Пиво лилось рекой, заключались сделки, наёмники демонстрировали свои умения в потасовках, развлекая товарищей и привлекая нанимателей. На стене висела связка лисьих хвостов, а дородная, улыбчивая тётушка Пенни, жена хозяина «Хвоста» Лиго, не успевала выносить с кухни новые и новые заказы. Наёмники всегда ели впрок, когда выдавалась возможность. В дороге-то приходится перебиваться чем попало.

Когда я вошла, тут же послышались приветствия. Пенни заспешила навстречу. Один из столов как раз освободился, так что проблем, где сесть, у нас не возникло. Заказав тушеное мясо с грибами, я бросила поклажу под стол, сняла плащ и, поморщившись, бросила его на лавку рядом с собой. Лис и Акир устроились напротив.

— Эй, Рани, удачно сходила? — окликнул меня один из старых знакомцев: пожилой наёмник, с которым мы не раз работали в связке.

— Удачно, — солгала я. — А по дороге ещё работку нашла.

Наёмники завистливо засвистели. Осень — пора спокойная. По развезённым дорогам караваны не ходят, охотники ждут зимы, чтобы отправиться за пушниной. Вот и сидим мы обычно без работы, затягиваем пояса потуже.

— Это на этих молокососов работаешь? И кем? Получше мужиков не нашлось? — издевательски выкрикнул молодой воин, который в начале лета попытался за мной приударить и получил от ворот поворот. На него зашикали, но было уже поздно. Слово — не воробей.

Лис медленно утер жирные губы рукавом. Встал. Я провела ладонью по лицу, тяжело вздыхая. Вот ведь! Неприятности меня сами находят!

— Лис, не обращай внимания. — Прошу. Молю. Мне здесь нравится, эта таверна — то, что я привыкла считать домом. Мне не хочется терять это место. — Он всего лишь мальчишка, еще не умеющий определять, кто перед ним.

Он-то не умеет, но в «Хвосте» сегодня было трое магов и

десяток старых, бывалых наёмников. Уж они-то с первого взгляда определили, кто со мной. Поэтому и свистели. Поэтому и завидовали.

— Лис, да плюнь! — Акир потянул его за рукав. — Ну на что тебе сдался этот сосунок? Ума нет, так своим ведь не поделишься.

Лис иронически приподнял бровь. А глаза лучились весельем. Не зол он — просто решил развлечься. Странно, как быстро я научилась понимать его… Не чуять — именно понимать.

Он медленно вытягивает перед собой руку, на глазах у побелевшего юнца трансформирующуюся в мощную, покрытую рыжей шерстью когтистую лапу. И обратно.

— Так я услышу твои извинения, человек? — А в голосе стылый ветер и холодные ливни. — Я жду, человек!

— Прошу прощения, Старший, — сосед молодого не пуганого идиота ухватил того за плечо, насильно усаживая обратно на лавку. — Я прослежу, чтобы мальчик вас больше не беспокоил. Лис согласно кивнул и медленно сел. Я позволила себе выдохнуть.

— Испугалась? — хитро спросил рыжий. — Думала, устрою тут кровавую баню, в духе ваших сказаний?

— Ты? — удивлённо. — Не слишком ли много на себя берёшь? Да тебя бы порубили раньше, чем ты перекинулся. Он улыбнулся и перегнулся через стол, шепча:

— Вьюга, неужели ты думаешь, что меня вообще возможно убить?

Я скептически хмыкнула. Не бывает абсолютного бессмертия. Это доказано ещё магами древности. Абсолют противоречит самой Основе Порядка. Так нам говорили.

— Я потом объясню тебе, Рани, — Лис сердито глянул на разулыбавшегося подавальщице Акира. — Пока прими на веру то, что он сказал. Фейри действительно бессмертны. Мы — порождения Хаоса. А Хаос не подчиняется законам Порядка. Я видел первый из миров и увижу однажды гибель последнего.

И замолчал. Устало закрыл глаза и приложил ладонь ко лбу. Его руки мелко подрагивали.

Мы с Акиром переглянулись. Я приподняла бровь, указывая взглядом на Лиса. Акир подал плечами: дескать, понятия не имею.

— Странно как-то себя чувствую, — не замедлил пояснить Лис. — Словно в двух шагах от Грани стою, а не за полмира от неё. Не знал бы точно, решил бы, что рядом один из Кошмаров Хаоса.

Мне всё это мало о чём говорило. Нет, я знала, что наш мир окружен стеной, и что из-за этой стены, бывает, прорываются

демоны. Но демоны эти были неразумны и неповоротливы, да и между нами и Гранью — пустоши, населённые кочевыми племенами. Нечего и думать встретить демонов здесь, на другом краю мира. А вот Акир как-то напрягся.

— Думаешь, слухи имеют под собой реальное основание? ОН решил познать Порядок?!

— Да я откуда знаю?! Меня, если помнишь, тут не было. Да и не стоит о НЁМ говорить здесь, — отрезал Лис, резко встав. Пойдёмте, договоримся о комнате. Нужно выспаться, завтра нам ещё искать проводника, нанятого Си'Эн. Увидев мой вопрошающий взгляд, Лис устало потер переносицу и окончательно сникнув, попросил: — Рани, давай я всё завтра тебе расскажу. С утра. Сейчас я больше всего хочу поспать. А ведь думал, выспался загодя, на тысячу лет вперёд.

Ах да, Акир говорил, там, у костра. Десять тысяч лет спал Лис. Десять тысяч! История рода людского хранит память лишь о семи.

Определённо, если я отслужу Листопаду положенные им пять десятилетий, мне будет с чем отправиться в Академию. Может даже звание Мастера заслужу. А если… Никакой магией нельзя снять клеймо с моей руки, но разве есть что-то, что не под силу стихии? Вдруг… Нет, не буду зря надеяться. Пока подожду. Когда сумею найти общий язык с Лисом, тогда и спрошу, может ли он помочь.

Мы уже сговорились о комнате и пошли к скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж, когда я заприметила в дальнем углу старого знакомого. Шепнув Лису, что подойду через пару минут, я вернулась в зал.

— Ох, Рани, а я-то думал, забыла меня совсем! — Кольд встал и поклонился, потом рассмеялся и сграбастал меня в объятия. Я невольно улыбнулась. Мне нравился этот франтоватый наёмник, с которым мы прошли полмира. Я ему доверяла как никому другому. Ему и третьему нашему спутнику. Кстати, о нём…

— Кольд, а Огарь не вернулся ещё? — спросила я, присаживаясь напротив наёмника. Тот резко помрачнел. Да уж, похоже не забыл ещё, как Огарь его обставил с той бабёнкой…

Огарь был средненьким магом водником. Нехватку силы он компенсировал умом. Мы с ним сошлись ещё в Академии. Он учился на пару курсов старше и однажды спас меня от разошедшихся недоброжелателей. Позже мы встретились здесь, в Костряках. Огарь, как я и, избрал путь наёмника. Авантюрист и непоседа, он вечно оказывался в самом центре событий, о которых лет этак через сто сложат легенды и баллады. А ещё он слыл дамским угодником и вечно влипал в неприятности, из

которых мы с Кольдом, прибившимся к нам пару лет назад и дивно вписавшимся в нашу компанию, Огаря вытаскивали.

В начале лета мы расстались. Расстались не слишком по-дружески. Огарь взялся провести к месту одну дамочку, но той не нужны были лишние спутники. Только маг. Обычно мы отказывали таким, говорили, что работаем втроем, но Огарь почему-то выбрал не старых друзей, а эту… стерву. Кстати Кольд тоже на неё заглядывался. Видела я, как он с ней по тёмным углам шушукался, а потом ходил мрачнее тучи.

— Не вернулся. Говорил я ему… — Кольд махнул рукой. — Туда ему и дорога!

— Кольд!

— Что? Я его предупредил. Честно предупредил. Он не послушал. На этом я должен был плюнуть и забыть, но привык я к этому балбесу, решил уберечь. К Си'Эн пошёл. Едва не нарвался на драку. Пришлось признать, что не в праве я ей указывать.

Я замерла, забыла как дышать. А я ещё вспоминала, где могла слышать это имя. Только вот мне казалось, что ту неземную красавицу с аметистовыми, яркими, как драгоценные камни, глазами звали Син. Да, правильно, Син. Я уставилась на Кольда. Принюхалась.

Человек. Синеглазый, темноволосый, белокожий, одетый в чёрное и красное — его любимые цвета, ни в чём другом я его не видела. Красивый, в меру изящный, но человек. Не фейри — уж их-то запах я теперь ни с чем не спутаю. Не Старший — это я знала всегда.

— Ты сказал, её звали Си'Эн? Ты ничего не путаешь? Не Син? — натянуто спросила, глядя в кристально честные глаза товарища. Он скривился, словно что-то кислое съел. Потом покачал головой.

— Ох, Рани, зря ты влезла в эту историю. И спутники у тебя… опасные. Откажись от этой работы. Я Огарю говорил, теперь тебе: пропадёшь. Он-то жизнью заплатит, а вот ты…

— Кольд, мне правда нужно знать. Её звали Си'Эн?

— Да. Её звали именно так.

— Пойдём, — я встала и поманила Кольда за собой. Он остался сидеть, скрестив руки на груди и качая головой. — Да пойдём же. Мои спутники ищут её. Она должна была вернуться к первому дню осени, но не вернулась. Значит, Огарь попал в беду.

— И что? — Кольд вздохнул. — Он выбрал сам. Мы были неплохой командой, я многое узнал от вас, но… Не в моих правилах спасать тех, кто спасёнными быть не хочет. Не в моей натуре и не в моей власти.

— Кольд!

— Прости, Рани, — а в голосе скука. — Я не собираюсь спасать его. Ходят слухи, что степняки готовятся на Псхов напасть, Совет собирает армию. Я послезавтра выезжаю. Родной город всё-таки…

Я презрительно сплюнула и отвернулась. Что толку? Я всегда видела, каков Кольд. Это Огарь мог заблуждаться, но не я. Чем-то синеглазый наёмник напоминал меня саму. Мы были для него удобными спутниками — вот и всё. Не более.

Горечь степной полыни на языке. Словно предал кто-то близкий, словно ушёл кто-то родной. Словно…

— Стой, Рани, — он ухватил меня за плечо. — Постой. Не нужно так… Ты просто не понимаешь, ты не знаешь. Я не МОГУ помочь.

Впервые я почувствовала его запах. Он знал, что я не терплю прикосновений и старался держаться подальше. А я не принюхивалась, боялась, наверное, почувствовать ложь, равнодушие или презрение.

Кольд говорил искренне. Не мог. Хотел. Но не мог. Только вот не Огарю он хотел помочь, а мне. Только мне. Не из любви, не во имя дружбы, а потому, что мы были одинаковы.

— Кольд, ну хотя бы поговори с Лисом. Я-то с этой Син не общалась, может она что говорила. Это очень важно…

— Он мне не обрадуется. И не поверит. Это плохо кончится, Рани… — Кольд вновь уселся за стол. Вновь равнодушие в синих глазах, вновь пустота.

— Прошу, Кольд. Ну чего тебе стоит?! Я тебя защищу, если он что выкинет. Да и что он может против нас двоих — оборотень-то?! Ну, Кольд! — Слукавила. Я была не уверена, что смогу уберечь друга от Лиса, если он на самом деле разъярится.

На миг в его глазах мелькнуло что-то… странное. А потом он рассмеялся. Искренне. Невиданное зрелище. Он редко позволял себе демонстрировать настоящие эмоции, я всегда чувствовала фальшь его улыбки.

— Это может оказаться интересным… Вьюга, защищающая меня от… оборотня. Ради того, чтобы взглянуть на такое, я соглашусь. — Он встал и подхватил с лавки чёрный с алым подбоем плащ, накидывая его. — Ну, чего встала? Веди. Я откуда знаю, где вы поселились?!

Лис уже спал. Акир, увидев, что я не одна, разом подобрался, угрожающе рыкнул. Я с тревогой глянула на Кольда — он улыбался.

— Ух, какая киска. Спокойней, малыш, тише… Ты же не собираешься меня съесть?

— Это ещё кто? — он проснулся мгновенно, только услышал

чужой голос. И в глазах ни капли дрёмы — только вежливое любопытство и злость. Рыжие волосы спутались, косички расплетены — передние пряди занавешивают половину лица, лезут ему в глаза и рот.

— Это мой друг. Его зовут Кольд. Мы с ним нашли проводника Си'Эн.

Лис встал и вдруг покачнулся. Акир бросился к нему, поддержал, не дал упасть.

— Великий Князь, с вами всё в порядке? И одновременно с ним я:

— Ты чего?

Лис прикрыл глаза и осторожно сел на краешек постели. Отмахнулся от засуетившегося Акира. Кольд, усмехаясь, прислонился к стене, скрестил руки на груди и терпеливо ждал. И ни капли любопытства или удивления.

— Кто ты? — спросил. Я подумала — меня, но обнаружила, что Лис смотрит на Кольда. Недобро смотрит. В неверном свечном полумраке его лицо, освобождённое от пелены волос, отброшенных назад, кажется маской. И вновь я вижу, как что-то пробивается из глубин его зрачков, и вновь слышу треск пламени, чувствую искры, которые, словно бабочки, садятся мне на ладонь. И пахнет холодным осенним ветром, прелой листвой и бегом.

Как может Кольд улыбаться? Как он устоял на ногах? Почему не склонил голову пред тем, кто сейчас смотрит на него? Как он посмел не склонить головы?!

— Не впечатляет, — скучающе. Ты так предсказуем, Князь. Ты можешь пленить Рани или этого глупого котёнка, но я-то знаю каков твой истинный лик.

Броситься на него, разорвать, вырвать язык. Но ноги словно приросли к полу. Я не могу пошевелиться, заколдованная синими глазами Кольда. Того, кого я считала Кольдом. Ещё один Князь? Нет… Иной…

— Кто ты? — как-то сдавленно спросил Лис вновь. Погасло сияние его глаз, ушла сила. — Кто ты такой, Хаос тебя побери?!

Кольд отлепился от стены и подошёл к Лису, навис над ним. Я бросилась к ним, ухватила Кольда за плечо, но он сбросил мою руку как пёрышко. И это его я обещала защищать от Лиса?!

— Ты знаешь. Я — его аватара. Он создал разум, он создал чувства, но нельзя познать то, чем не являешься. Поэтому он создал меня. Чтобы победить врага нужно его понять: люди сами сказали так. Кто я, чтобы спорить с ними? И отступил, хватая меня, притягивая к себе, обнимая, укрывая… Защищая? Вовремя.

Бешенство в золотых глазах. Янтарный кулон, сорвавшийся со шнурка и легший между бровей, словно третий глаз. Волосы —

языки пламени. Когти-крючки, вылетевшие из фаланг. Треск рубахи — широкий игольчатый гребень по позвоночнику. И ненависть. Ненависть. Ничего кроме ненависти. Животная, неумолимая ненависть.

— Ты не в своём праве, — словно ребёнку втолковывает, тихо и медленно. — Успокойся, Ли'Ко, не совершай глупости. Твоё существование и так висит на тонком волоске. Я получил право быть здесь, я получил право познать своего врага. Совет Семей был поставлен в известность. Хочешь оспорить? Хочешь уйти? Я с радостью помогу тебе в этом. А если не смогу — тебя отдадут ему в качестве извинения. Ты это понимаешь?! И не трогай девочку. Она под моей защитой.

Он не повышал голос, но я подумала, что крик был бы не так страшен, как этот холодное, мёртвое шипение.

— Отпусти её. Ты не в своём праве. Она — моя!

Никогда не думала, что окажусь в качестве кости, за обладание которой дерутся двое богов. Да и кто бы мог такое вообразить?

Но я не боюсь. Почему-то не боюсь. Спокойствие окружает меня коконом. Безопасность.

Клочьями алого тумана расползается плащ. Тот, кого я звала Кольдом, кажется сейчас тенью, клочком мрака. Какого цвета его глаза? Синие? Зелёные? Белые? Золотые? Алые… Чем от него пахнет? Ничем. Никем. Словно его нет вовсе.

— Она ничья, — произносит чёрно-алое божество. Его рот похож на рваную кровящую рану. Я крепче прижимаюсь к нему. Не знаю, зачем. Я не боюсь Лиса, понимаю, но…

— Она — мой саннер-воррен. — Алые и золотые листья кружат вокруг него. Сыпется труха с потолка, дребезжат стёкла. И я понимаю, что план не удался. Лис не отдаст меня. Он будет драться. Он убьёт или умрёт сам, но не отдаст меня.

— Кольд… — голос дрожит. — Кольд, прекратите… он мне жизнь спас. Я поклялась отслужить. Не надо, не… Он медлит, смотрит на меня, а потом произносит грустно:

— Это твой выбор, Вьюга. Твой путь. Ты сама его избрала. Я не могу спасти того, кто не хочет быть спасённым. Я не могу подарить свободу той, кто привыкла быть рабой.

С тихим шорохом опускается на его плечи чёрный плащ с алым подбоем, а в глаза возвращается синь. И шуршат сухие листья, покрывшие пол осенним ковром.

Он долго смотрит на меня, а потом проводит пальцами по щеке. Нежно. Так нежно, что мне почти больно. И я познаю. Познаю то, что стоит передо мною. Понимаю. Чую. Знаю. Чувствую. Вижу. Становлюсь им, а он — мною.

— Она ушла в Облачные горы, в Ледяную Пещеру, за Аметистом Зимы. Я позволил ей. Но он решил иначе. Аметист был отнят не просто так, он не хочет, чтобы его дочерьми управляли. Вьюгам не нужна хозяйка. Они рождены быть свободными. Он запер её в пещере, и она не сможет покинуть её, пока не станет Порядок Хаосом, — произносит он и отстраняет меня. Последний раз смотрит в глаза Лису и уходит.

Мы молчим. Акир, забившийся в угол, широко распахнув глаза смотрит на дверь, захлопнувшуюся за спиной изменчивого, многоликого существа. Не-князя. Не-человека. Не-Старшего. Не-живого. Не-существующего.

— Что тут произошло? — наконец, спрашиваю я. — Лис, что значит, саннер-воррен?!

Лис запрокидывает голову и хохочет. Пляшут алые пряди, огненным ореолом окружая его лицо. Он смеётся, будто последний раз в жизни.

— Это всё, что ты хочешь спросить, Вьюга? — отсмеявшись, спросил он.

— А что я должна спросить?!

— Ты не хочешь знать, кто на самом деле твой дружок?

— Я знаю, — спокойно ответила я. — Я ограничена в своих знаниях, но не глупа. И я умею познавать. Он не от Порядка. Он пришёл из-за Грани Мира. Из хаоса. Он — его часть.

— И ты не боишься его, — он смотрит на меня с ужасом и брезгливостью. Словно Кольд пометил меня. — Не боишься. Ты прикоснулась к нему! К… этому!

— Не боюсь. Прикоснулась. — Соглашаюсь. — И, Лис, мне плевать, что ты по этому поводу думаешь! Он, между прочим, рассказал, что с твоей Си'Эн. А мог бы и не говорить. Ты не был не слишком… вежлив. Лис рычит, он замахивается и… Я зажмуриваюсь, но удара нет. Только ветерок опаляет мою щеку…

— Ты не понимаешь. Он — Враг.

— Он такой же, как я, — парирую, рискнув открыть глаза. Лис сидит на постели. Золотого шуршащего ковра как ни бывало. Тихо. Только снизу доносится шум разгулявшихся наёмников. — Он, как и я, познаёт этот мир.

Он молчит. Молчу и я. Нечего сказать. Не хочется расспрашивать, не хочется ничего слышать. Завтра. Когда он успокоится. А пока…

Падаю на кровать. Акир перебьётся — перекинется и выспится на полу. Мне сейчас отдых нужнее. На соседней кровати сопит Лис. Уже засыпая, я слышу:

— Завтра днём уезжаем. Нужно сообщить Егерю о том, что случилось с Си'Эн. Мы не имеем права лишиться её силы.

Мы бродили по торжищу, раскинувшемуся у южных ворот, третий час. Закупили провизии на неделю и отправили с ней Акира обратно в «Лисий Хвост». Сначала Лис потащил меня к портному, где мне подобрали приличные штаны и куртку, взамен одолженных, в которых я чувствовала себя неуютно. Костюм, на мой вкус, был дороговат. Тёмно-синий, почти чёрный, сшитый на манер охотничьего, по самой последней моде. В таком не по лесам шляться, а по городу ходить. Но Лис ничего не хотел слушать. Себе он взял попроще — коричневый с алой вышивкой. Запасшись сменными рубахами, мы расплатились и отправились дальше. Уже на выходе, я вспомнила, что забыла. Пришлось возвращаться. Ходить с замотанной грязной тряпкой рукой мне надоело. У торговца нашлись чудесные мягкие перчатки из замши. Прикрывшись полой новой куртки, я размотала тряпицу и натянула обновку. Сидела как влитая.

Правую я положила на прилавок. Расплатилась. И мы ушли, «забыв» ненужную пару.

Дальше отправились к ювелирам. Лис долго бродил меж трёх лавочек, что-то выбирая, мрачнея с каждой минутой. В конце концов он взял золотую цепочку, сменив её вытертый неказистый шнурок, порвавшийся вчера.

— Тебе ничего не понравилось? — спросил он, когда мы вышли из лавки. Я пожала плечами. Первые слова, сказанные им за сегодня.

Вообще-то к украшениям я более, чем равнодушна. Правда, однажды я видела оправленный в серебро аметист, гномьей огранки. Стоил он недёшево, таких денег у меня не было, а когда я сумела наскрести требуемую сумму, оказалось, что кулон продан. Было жаль. Действительно жаль.

— Куда теперь? — спросила я, осматриваясь.

— Обратно. Заберём Акира и отправляемся. Времени мало, Егерь может отправиться дальше, тогда мы до зимы будем за ним по лесам гоняться.

Акир шел позади, а я пристроилась рядом с Лисом. Вчерашнее, вроде, было забыто. Теперь можно и поспрашивать…

— Лис, а кем ты меня назвал? Ты сказал, что я — твоя саннер-воррен.

— Что? — переспросил он, не расслышав, задумавшись о чём-то своём. Я повторила.

— Это на истинном, — пояснил он. — Так называют… членов свиты Князя.

От меня не укрылась пауза. Что-то подсказало, что Лис не солгал, но и не сказал всей правды. Нахмурившись, я попросила точный перевод.

— Точно перевести невозможно, — он перебросил косу через плечо и передёрнул плечами. Мы уже шли по лесу. Меня было слышно за полчаса, а вот оборотень и Князь ступали мягко, неслышно, не тревожа лес даже шорохом. — В росском нет аналога.

— Лис, не увиливай от ответа!

— Ты действительно хочешь знать? — спросил он устало. — Ну слушай… Саннер-воррен — это любимый, друг, враг, спутник, дитя, брат и весь мир в одном лице. Смысл существования этого мира и его опора.

— Лис… А ты… С чего ты… — Я первый раз в жизни не могла подобрать слов. — Ну…

— Не обольщайся. — Хищным золотом сверкнули его голодные глаза. — Просто никого больше не нашлось.

— Да я и не обольщалась… — Я всё-таки сумела взять себя в руки и равнодушно пожать плечами. — А поподробней? Что от меня-то требуется?

— Да ничего! — рыкнул Лис, которого я всё-таки сумела вывести из себя. — Ты есть — вот и всё. Пока я позволю миру существовать. Просто потому, что ты есть в нём. И зашагал быстрее. Почти побежал. Я не стала догонять. Остановилась.

— Эй, Рани, что случилось? — Акир тоже остановился, глядя на меня. — Опять погрызлись?

— Слушай, Акир, что значит: «позволю миру существовать»? — чуть заторможено уточнила я, запоздало вспомнив, что оборотень-то этого знать не обязан. Но он не удивился вопросу, Только хмыкнул.

— То и значит. Фейри — младшие дети Хаоса, взбунтовавшиеся и ушедшие от него в Порядок. Они ненавидят его, но стремятся слиться с ним. Они не похожи на нас, детей Порядка. И не в их природе защищать что-то чужое. Вот поэтому каждому Князю, способному в день своей силы снести Грань и отдать смертные земли Хаосу, нужен свой саннер-воррен. Свой подзащитный. Свой смысл существования мира. Ой! Аккуратней! — Я едва не врезалась в дерево, не заметив, что иду за оборотнем. — Так вот… Рани, да следи ты, куда идёшь! Лис! Лис, подожди! Иди сюда!

— Что? — недовольно спросил вышедший из-за дерева Князь.

— Давай остановимся, а то Рани сейчас все деревья посшибает.

Лис подошёл к нам, сбросил с плеча сумку и, оглядевшись, сел прямо на землю, не обращая внимания на то, что пачкает одежду. Я плюхнулась рядом.

Я заслужила передышку. Не каждый день узнаешь, что

умудрилась спасти целый мир…

31 августа

Когда-то он считал, что вечность — лишь миг. Как же он ошибался…

Вечность он провёл здесь, в этом студёном озере. Прикованный ко дну, заключенный в жгущие плоть стальные оковы. Во сне, но запоминая каждый миг. Не чувствуя, не живя, не помня… Сколько прошло времени? Век? Две? Тысячелетие? Или все десять? Он не знал.

Иногда ему казалось, что сквозь толщу воды кто-то смотрит на него, но потом вдруг думал: а что, если о нём забыли. Что, если ему придётся остаться здесь, пока Порядок не станет Хаосом? И тогда он мечтал о том, чтобы Грань наконец рухнула. Потому, что даже Хаос лучше его нынешней жизни. Жизни ли? И вот его освободили.

Он стоял на берегу озера, десять тысячелетий бывшего его тюрьмой, и, запрокинув голову, глядел в бесконечно голубое небо, в котором парили алые ястребы. Он стоял, раскинув руки, отчаянно боясь, что всё это — очередной сон. Ему часто снилась свобода…

Его освободили и оставили одного. Привыкать. Учиться дышать. Учиться вновь быть свободным. Пытаться поверить, что всё это настоящее. И Лис привыкал. Учился. Пытался. Но не верил.

Никогда больше он не сумеет назвать вечные земли своим домом. Они навсегда останутся его тюрьмой. Его темницей. Он никогда не забудет холод и огонь, в объятиях чьих провёл вечность. Здесь он больше не сможет поверить, что свободен.

Совет Семей признал его право. Лис знал, что так и будет. Он сполна расплатился. Право на свободу — главный Закон фейри.

— Почему ты уходишь? — Егерь нашел его даже здесь. Хотя, чему удивляться, ведь Золотые Угодья принадлежат Отцу-Осени. — Смертный мир изменился. Он не помнит нас, не знает и не боится. Неужели ты хочешь уйти в него? Зачем тебе это?!

— И ты смеешь спрашивать меня?! — Лис оскалился и зарычал. — Ты, кто надел оковы на мои руки?! Ты, заточивший меня?! Ты отнял у меня всё, ты лишил меня свободы и дома. Ты уничтожил меня, отец! Всё что мне осталось — уйти.

Егерь хотел что-то сказать, но махнул рукой, закурил, сел напротив. Верный Вожак потёрся носом о его руку и взглянул на Лиса с укоризной.

— Ты едва не снёс Грань. Та девушка из смертных, она….

— Не смей даже упоминать о Мари! — взъярился Лис. — Она была…

— Она. Была. Больше её нет. Ты не смог её удержать, не смог спасти. Ты забыл Закон и в день силы едва не отдал мир Хаосу. Более того — именно из-за тебя Грань истончилась и пала много раньше положенного срока. Это — твоя вина!

— Ты не понимаешь, Егерь, — Лис устало покачал головой. Тряхнув отросшими до пояса волосами, он поднялся на ноги и направился к просвету между деревьями. Пора. Всего пара часов осталась о того, как Осенний Выезд отправится в путь. Он должен опередить их. Он должен…

Мари… Да, её звали именно так. Она была… обычной. Человеком. Смертной. Его смыслом существования. Он пытался вспомнить её лицо, но не мог. Он даже не мог сказать, какого цвета были её глаза, хотя когда-то часами любовался ими. Остался её смех. И слова:

— Лис, пройдоха, ты опять…

Она всегда звала его пройдохой. Когда злилась — хитромордым подлецом. Когда радовалась — лисиком. И она смеялась. Её улыбка — вот всё, что осталось Лису. Улыбка, за которую он готов был позволить миру существовать.

Они были вместе всего три года: миг, по меркам фейри. А потом она ушла. Сказала, что устала. Сказала, что не любит и никогда не любила. Ушла, а Лис не мог её остановить, потому, что его саннер-воррен хотела уйти.

Год спустя она погибла. Глупо, нелепо. Она ушла, и тому миру больше незачем было существовать. И Лис едва не уничтожил его. Мари… Мария… Маруся… Маня…

— Приветствую тебя, Ткачиха.

— Ли'Ко… Я ждала тебя. Не говори… Не нужно. Я знаю, зачем ты пришёл. И я отвечу на твой вопрос: да. Ты найдёшь его там, где и не мог найти. Нет, ты не станешь прежним. Тот мальчишка исчез навсегда, ты не сможешь его вернуть, да и не захочешь. Тебе это не нужно.

— Ты покажешь мне узор?

— Нет, Листопад. Не нужно тебе видеть его. Не принесёт это пользы. Иди, Листопад, иди… Ты встретишь её. Встретишь, где и не ждёшь. А теперь иди…

Лис коротко кивнул и прикоснулся к плечу сопровождавшей его Прядильщицы. Ткачиха сказала всё, что хотела, большего от неё не добиться.

Он не видел, как синеволосая Княгиня грустно смотрела туда, где только что стоял её гость. Лежа в своём гамаке, она

изучала Узор. И впервые с того момента, как первая нить легла в его основу, Ткачиха не понимала рисунка, не могла сказать, какие нити переплетутся в следующий миг. Что-то пошло не так. Кто-то вмешался в её работу, испортил её.

Ткачиха знала лишь одно существо, способное на такое. И она молила Порядок, чтобы ошибиться. Вмешательство стихий никогда ни к чему хорошему не приводило…

Он собирался провести вечность в пути, хотел затеряться в паутине дорог, забыть, кем был, и понять, кем стал. Лис не знал, что его нить уже стала основой нового узора. Узора сотканного не Ткачихой. Он просто пытался отыскать свои крылья.

А ещё он боялся. Он поклялся, что никогда больше не повторит ошибку, не отпустит Подзащитного. Он прикуёт его к себе, поработит, свяжет. Не позволит уйти.

Он шел, напевая вспомнившуюся ему песенку. О трёх сестрах-Вьюгах. О Кровавой, Белой и Аметистовой. И с каждым шагом его узор менялся. А Ткачиха шипела, пытаясь вернуть нити на место, но ей это не удавалось. Будущее уже определилось…

И истончалась Грань. И выли две сестры-Вьюги, злились, ярились, стонали, но ничего не могли изменить…

ГЛАВА 3

19 — 20 сентября

Лис о чём-то разговаривал с Егерем, а я наблюдала. За Егерем, за Мастером Линой, стоящей за его спиной, положившей узкую ладонь на его плечо и изредка вставлявшей в разговор своё тихое, но веское слово.

Бродили по лагерю Князья — их я уже научилась узнавать с первого взгляда. Трое эльфов беседовали о чём-то. Оборотни — два незнакомых мне парня, симпатичная девушка и Акир — следили за поджаривающейся тушей кабана, изредка переворачивая вертел. Клекотали ястребы, оперением которым служили языки пламени. Путались под ногами рыжие хитрые лисы, ничуть не обращая внимания на золотистых, поджарых псин. Перебирали тонкими ногами изящные лошадки, а высокий черноволосый мужчина успокаивал их, кормил чем-то с ладони. Горечь, золото, пламя, сумерки, тоска и вольный ветер… Осень.

Нет, не напоминал этот лагерь охотничий. Не пахло кровью и железом, в воздухе повис аромат прелых листьев и дыма, к которому примешивался запах вишнёвого табака и свежести. Словно всё это было миражом, иллюзией.

— Мы не можем остаться без неё! Вьюги… — донесся до меня сердитый голос Егеря.

— Что, Верный, сердится твой хозяин? — спросила я, потрепав прикорнувшего у моих ног пса по голове. — А чего на Лиса-то сердится? Не он же вашу Си'Эн заточил.

— Он не сердится, просто злится. На ситуацию, на Си'Эн, на себя. — Я помотала головой. Собака разговаривает на росском?! Пусть с певучим акцентом, но разговаривает. Вот… — Госпожа маг? Что с вами?

— Ты разговариваешь? — спросила я, чуть отодвигаясь. — Ты оборотень?

Пес сел и склонил набок лохматую тяжелую голову, разглядывая меня. Оценивающе разглядывая. С любопытством.

— Ли'Ко ничего не рассказал вам о нас? — спросил он наконец. — Глупый мальчишка…

— Ты… Вы — фейри? — не поверила я. — Князь?

— Я — фейри, — согласился пес. — Неужели вы могли принять меня за обычного пса, госпожа маг? Здесь нет никого, кроме фейри и Старших. Это же Осенний Выезд! Как, по-вашему, здесь могут оказаться смертные?! Только я — не Князь. Князья —

наши владыки, а я — Вожак Осенней Своры, один из гончих духов Осеннего Выезда.

И правда… Чего это я так… Неужели я ожидала, что у Князя может быть обычный пёс?

— Не смущайтесь, — угадал мои мысли пёс. — Лис должен был рассказать вам. То, что он этого не сделал, не делает ему чести. Вы в праве знать, куда идёте и кого там встретите. Иначе это может закончиться плачевно.

— Может вы расскажете? — попросила я, косясь на Лиса, продолжающего о чём-то спорить с Егерем.

— Простите, госпожа маг, но я не в праве. Князь объяснит то, что сочтёт нужным. Не мне решать, что вам стоит знать, а что нет. Есть вещи, которые…

— Я же не прошу открыть мне тайны вашего народа. Я просто хочу немного узнать о вас. В конце концов, я теперь саннер-воррен Лиса…

— Вы сказали саннер-воррен? — вскинулся фейри. — Вы… Вы ничего не перепутали? Он сказал, что вы его… подзащитный?

— Да, — подтвердила я. — Всё именно так. Он сказал, что я — смысл существования этого мира. Никого больше, видите ли, на эту должность не нашлось.

— Ох, Ли'Ко… — Пес помотал головой. — Он так и не понял, что в одну реку нельзя войти дважды… Но если вы — саннер-воррен, то я вдвойне удивлён. Он обязан был объяснить, как вам вести себя в присутствии других Князей. Любая ваша ошибка — и его вызовут в круг права.

— Его? А почему его? — удивилась я. Что такое круг права я представляла, у Старших было нечто подобное. Только они называли это Кругом Чести и Правды.

— Потому, что ни один Князь не позволит себе рискнуть жизнью своего саннер-воррена. Они… вы не сражаетесь. Вы не отвечаете на вызовы. Вы не должны погибнуть, даже если это будет означать гибель всего мира. Понимаете? Садитесь поудобней, госпожа, и слушайте. Выбора у меня нет. Князь ещё не пришёл в себя после… Он кинул на меня быстрый взгляд, сверкнули золотые глаза.

— Я знаю. Десять тысяч лет, — сухо заметила я. — Акир рассказал.

— Значит, знаете. Десять тысяч лет он провёл в заточении и теперь не вполне…

— Адекватен.

— Я бы сказал: не совсем пришёл в себя, но по сути вы правы. Итак… Вечные земли поделены между четырьмя Семьями фейри. Все, кого вы видите здесь, принадлежат к Осенней, Золотой

семье. Её Глава — Осенний Егерь. Его свита — Осенний Выезд. Фейри делятся на Высших — Князей — и низших. Все Высшие раз в году входят в силу, сливаются со Стихией, покровительствующей им. Для кого-то этот день определён, для кого-то нет… Конечно, обрести силу можно лишь во время, пока Семья царит в смертных землях. Например, Листопад может выбрать день, но должен успеть до десятого октября, до времени Костров. Из этого правила есть исключения. Есть четверо Князей, кто входит в силу на всё время, отведённое им в смертных землях. Это Главы Семей — Осенний Егерь, Хозяйка Вьюг, Повелительница Золотых Птиц и Спящая Дева. И пятая — Ткачиха. Но Ткачиха — отдельный разговор. Она — единственная не входит ни в одну из семей. Повелительница Судеб скорее Стихия, чем фейри.

Итак… Свита Главы Семьи — вся его Семья. Свита Князя — его низшие и Старшие, если он является Эйш-Тан. Вы должны помнить…

— Вожак, кто это с тобой? — раздался позади меня женский голос. Я резко обернулась.

Она была скорее некрасива, чем величественна. Серая, бесцветная, прозрачная…

— Энне'Деннаре, — склонил голову фейри. Я осталась сидеть. Девушка ждала…

— Непочтительная смертная? Это интересно… Чья она?

— Вашего брата, Княгиня. Она — его саннер-воррен.

— Интересно. Он опять выбрал человека. Княгиня глянула на меня так, словно перед ней было нечто безобразное.

— Княгиня? — спросил Вожак.

— Ничего, я уже ухожу. Отец созывает Совет. Это так некстати… И, Вожак, объясни этой глупой смертной, что равной её может считать мой брат, но для остальных она останется собой — жалким грязным существом, одной из овечек, к которым мы приставлены сторожами… Она отвернулась и пошла к шатру, к которому стягивались Князья.

— Это кто? — невежливо уточнила я.

— Слеза Дождя. Сестра Лиса. Она… Она права, госпожа маг. Не стоит вам так уж демонстрировать своё неуважение. Тем более, у Лиса много врагов. Кто-нибудь может воспользоваться поводом вызвать его. Будьте осторожней.

Он продолжил рассказывать, а я всё не могла забыть холод, которым повеяло от серой Княгини. Возможно она и от Осени, но…

— Вожак, тебя зовёт Егерь, — вырвал меня из раздумий голос Мастера Лины. — Я пока посижу с ней, а ты иди… Ему совет

нужен.

Пес кивнул и неспешно потрусил к шатру. Женщина рассматривала меня как какое-то диковинное животное. За её плечами дрожало ало-золотое марево, кажущееся то ли крыльями, то ли туманным плащом. Кто она? Княгиня, или маг, как я, попавшая к фейри в качестве спутника Егеря?

— Скажите, Мастер Лина, вы саннер-воррен Егеря? — спросила я.

— Да, — она кивнула и села рядом. Хмыкнула, вытащила из-за отворота сапога трубку, набила её из висевшего на поясе кисета, прикурила от затанцевавшего на кончике пальца огонька. Её длинная коса была обернута вокруг головы, наподобие короны, что носил Ректор.

— Значит, вы тоже… Она рассмеялась.

— Ох, девочка, ты решила, что я маг? — Она покачала головой. — Нет, малышка, я — фейри. Княгиня. Меня зовут Реи'Линэ — Огнь Осенних Костров, если на росском.

— Вы необычная, — произнесла я, подумав. — Князья не слишком… милы… с людьми, а вы вот разговариваете со мной, зовёте малышкой.

— Все Князья разные, — ответила Мастер Лина… Реи'Линэ. — Я видела первый рассвет первого из миров, девочка. Я стара, как стар Порядок. И я понимаю, что этот мир принадлежит людям, вы — любимые дети Его. А мы — от Хаоса. И в Хаос же уйдём, когда вы нас забудете, когда вам больше не нужна будет защита от нашего Отца. Она пыхнула трубкой. Огненный ястреб опустился на её плечо и заклекотал.

— Ты уверен? — спросила Княгиня взволнованно. — Ты ничего не перепутал? Мне показалось, в клёкоте ястреба прозвучала обида.

— Хорошо, идём. Если это действительно он, нам стоит встретить его. Она поднялась, отряхивая колени от просыпавшегося табака.

— Пойдём, малышка, одной тебе тут оставаться не стоит, — она протянула мне изящную узкую ладонь, помогая подняться. Её сухие пальцы были обжигающе горячи, даже сквозь перчатку я чувствовала их жар.

Мы отошли от лагеря на полчаса. Я даже забеспокоилась, что будет, если Лис обнаружит моё отсутствие. Княгиня успокоила меня, сказав, что отправила ястреба сообщить Егерю о госте и о том, что мы вышли ему навстречу.

— Ты не злись на мальчика, — говорила тем временем Реи'Линэ. — Он не просто так решил тебя рабой сделать. Как почувствовал, что ты можешь стать его саннер-ворреном, так

испугался. Удержать тебя хочет, боится, что иначе уйдёшь и он вновь сорвётся. Ты не злись, правда… Он видел первый из миров, но Листопад вечно юн. Это его суть, его сила и слабость.

— Я не злюсь, — отвечаю. — Он… интересен мне. Если бы он не решил сделать меня рабой, не попытался бы привязать к себе, я сама бы пошла за ним, даже если он не звал бы. — И, помедлив, призналась в том, что кому другому бы не сказала: — Меня тянет к нему. Он тёплый. Вы обжигаете, Егерь пугает, а рядом с Лисом я греюсь. Это больше, чем я когда-либо мечтала ощутить.

— Даже так? — Княгиня отвела ветку, чтобы та не ударила её по лицу. — Может быть, всё это к лучшему. Когда я увидела тебя, то испугалась, что Лис вновь совершил ошибку, выбрал не того подзащитного, нашел не то, что искал. Ты меня успокоила, малышка. Он сделал правильный выбор.

Мы остановились, заслышав мерный шорох копыт. Гость был рядом, в пяти-десяти минутах. Княгиня прислонилась к дереву, скрестив руки. Я принюхалась. Ничего. Реи'Линэ улыбнулась и провела ладонью перед лицом. Тут же на меня обрушилась лавина запахов: тут были и страх, и неуверенность, и опаска, и желание, и нетерпение, и жажда. Гремучая смесь.

— Да, наш гость не из тех, к кому можно быть равнодушной… — увидела мою реакцию Княгиня. — Его невозможно не ненавидеть, но, как оказалось, не любить — тоже.

Он вышел из-за деревьев, ведя в поводу Ворона — своего дьявольского жеребца, вечно норовившего укусить меня или Огаря.

Выглядел Кольд непривычно. Я едва узнала его в этом высоком синеглазом мужчине, разодетом в чёрный бархат и алые шелка. Странно он был одет для путешественника, неудобно. И как он умудрился ничего не порвать и не испачкать, пока добрался сюда?

— Валькирия, приветствую. — Он легко кивнул Княгине, а потом перевёл взгляд на меня. Исчезла злая насмешка из его глаз, на смену ей пришли тепло и тоска. — Здравствуй, Рани, малыш. Я рад, что ты в порядке. Вчера я погорячился, не стоило мне дразнить твоего Князя. Я боялся, он выместит свою злость на тебе…

Княгиня глянула на меня, но ничего не сказала. От неё пахло не просто удивлением — шоком. И страхом.

— Но ты не вернулся, чтобы проверить, или помочь, если что, — насмешливо произнесла я, шагнув навстречу другу, обнимая его. Он мягко улыбнулся и мазанул сухими губами по моей щеке, чего раньше никогда себе не позволял. Странно, но я не почувствовала неправильности происходящего и отвращения.

— Какова причина вашего визита, Изменчивый? — а в голосе арктическая стужа. Я даже обернулась, чтобы убедиться, что здесь ещё Реи'Линэ, а не сестрица Лиса. Не думала я, что Огненная Княгиня способна ТАК говорить. На мгновение подумалось: а не посягнула ли я на её мужчину? Но нет… Не ревность, что-то иное. Значит, дети Хаоса, ненавидящие отца, но стремящиеся к нему?

— Я поразмыслил и решил, что Совет отправит кого-нибудь за Хозяйкой Вьюг. В связи с этим мне нужно обсудить вопрос права. Си'Эн заточена по его решению, он не хочет её освобождения. Я могу уладить это, но взамен кое-что потребую.

Он всё ещё прижимал меня к себе. Я прижималась спиной к его груди, его руки обнимали меня. Подбородком он упирался мне в затылок, дыхание ерошило волосы на моей макушке. Странно, мне казалось, он ниже.

— Вы в праве говорить с Советом. Совет в праве отказать вам. — Княгиня поклонилась. Ниже, чем Кольд, гораздо ниже. Поклон не равного — низшего.

— Вы в праве так думать, Валькирия. Но мне будет жаль, если Совет откажет, не вняв голосу разума, — ледяная вежливость. И обида. Да, обида. Он хочет чтобы из голоса Княгини исчез холод, он хочет услышать от неё нечто совсем иное…

Это не любовь к женщине, это любовь к ребёнку — мятежному и непослушному, бунтующему против родителя, но любимому. Мастера говорили, что суть Хаоса — поглощение Порядка. Они ошибались. Познание. Перетекание. Это невозможно понять, если ты не способен к познанию. Я — способна. От этого можно сойти с ума.

Порядок и Хаос — одно продолжение другого. Одно единое существо-стихия-закон, разрезанное и вновь сложенное вместе. Порядок — изменённая, искалеченная, порабощённая часть Хаоса, стремящаяся излечиться, избавиться от оков Закона и вновь стать одним целым. Аномалия. Болезнь. Отклонение от нормы. Ничто иное.

Но я никогда не произнесу этого вслух. Кольд и так знает, что я понимаю. А Князья не поверят. Никогда. Ни за что. Это не в их природе — понимать и признавать.

Кольд отпустил меня и легко взлетел в седло. Наклонился, протянул затянутую в алую, кровавую перчатку руку.

— Присоединишься?

Я кивнула и неловко забралась к нему. Ворон насмешливо фыркал, но укусить не пытался. Видно, проникся важностью происходящего.

Кажется, это стало последней каплей в чаше терпения Княгини. Она рыкнула и пошла вперёд, не беспокоясь, следуем ли

мы за ней, или нет.

— Не бойся, она не станет относиться к тебе хуже, — шепнул Кольд. — Князья не меняют своих симпатий, а ты ей понравилась, как ни странно.

Я откинулась ему на грудь. Мерно шел Ворон, от руки, — обнимающей меня, придерживающей, страхующей, — разливалось тепло.

Он относился к Княгине как к своему ребёнку, а ко мне… Ко мне, как к кому-то бесконечно хрупкому и дорогому. Это пугало.

Не хотелось даже думать о причинах такого отношения. Не думаю, что мне бы понравилось объяснение. Точно не понравилось бы.

Наше появление вызвало фурор. Наше — это моё и Кольда.

Он спешился и помог спуститься мне. Словно воск под солнцем сползала с него маска человека: по капле, неспешно. Я невольно залюбовалась этим странным существом, вновь прижавшим меня к своей груди.

— Приветствую вас, Изменчивый, — Егерь вышел из шатра и поклонился. За ним выскочил Лис и, увидев меня в объятиях гостя, помрачнел. Надо отдать ему должное, — не кинулся — только рыкнул, да ушел обратно.

— Я прослышал о том, что вы отправляете своего сына в Облачные Горы, за Хозяйкой Вьюг. Это так?

— Да, — коротко ответил Князь. — Мы не можем позволить себе потерять её силу. У Вьюг должна быть Хозяйка, иначе этот мир поглотит Хаос.

— Вы правы, Осенний Князь, — кивнул Кольд в знак согласия и отпустил меня. Я отошла, чувствуя, что в этом разговоре — лишняя. Кольд неспешно стянул перчатки и обнажил тонкие пальцы. Вспыхнули три перстня — алый, серебряный и чёрный. — Он не считает возможным отпустить Си'Эн, но вы в праве попытаться её спасти. Хочу сразу предупредить, что вы посылаете сына на смерть. Облачные Горы охраняются, слишком многое скрыто в их недрах, чтобы он оставил это без внимания. Но Си'Эн в обмен на кое-что получила от меня два кольца — для себя и своего спутника. Кошмары не тронули тех, на ком были знаки их хозяина. Хозяйка Вьюг дорого заплатила за эти ключи к безопасности, вам я тоже их предлагаю. Учтите, без метки Хаоса любой ступивший за черту обречён быть растерзанным его Кошмарами.

— Что вы хотите за них? — спросил Егерь.

— О, сущий пустяк… Всего лишь помощь в одном деле. Псхов — город, который я люблю, — скоро будет атакован степняками, кочевниками. Я не хочу его гибели, но люди не справятся.

Шаманы степей сильны, им недалеко до магов, так что это будет битва мечей. Я отдам вам два кольца, два ключа от Облачных гор, если в ночь костров Валькирия призовёт души, которые встанут на защиту города людей. Я точно знаю, именно десятого октября будет штурм…

Егерь задумчиво глядел на синеглазого мужчину, поигрывающего кольцами. Было видно — он не верит Кольду, ищет подвох, ловушку.

— Если моя саннер-воррен согласна, — нехотя произнёс он, глядя на Реи'Линэ.

— Я согласна, — отрывисто кивнула та. — При одном условии.

— Каком же? — Кольд повернулся к ней и приподнял одну бровь.

— Ты проводишь Ли'Ко и его саннер-воррена до Облачных Гор, дождёшься их и приведёшь обратно. Ты сказал, что в Облачных Горах с кольцами их не тронут, но я помню, в отличие от моего столь забывчивого сына, что в последние годы в степях небезопасно, Грань истончилась. Я хочу быть уверена, что мой внук вернётся обратно целым и невредимым.

— Да будет так, — неожиданно легко согласился Кольд. — Я доведу вашего внука до Облачных Гор, дождусь его и когда он вернётся, проведу обратно, до самого Псхова. Но в этом случае и я попрошу больше. Пусть Лис примет участие в обороне Псхова.

— Согласен, — бросил рыжий, выглянув из шатра, и тут же вновь скрывшись.

И тишина дала трещину. Егерь чуть сгорбился, Реи'Линэ махнула рукой кому-то из Князей и удалилась в его сопровождении. Заклекотали ястребы, перелаивались псы и лисы, тихо переговаривались между собой Князья. А он стоял в одиночестве, снисходительно глядя на фейри, неприятно усмехаясь.

— Лис, эй, — я зашла в шатёр, так и не дождавшись, пока он сам выйдет. Было боязно, но я решила, что это того стоит.

Лис сидел среди алых подушек, рыжие волосы разлохматились, расплескались по плечам. Он поднял на меня взгляд и тут же встал.

— Что? — довольно-таки невежливо выплюнул он.

— Не найдёшь, где бы мне отоспаться? Уже солнце заходит, а завтра рано в путь, — как можно жалобней попросила я.

— Пойдём, — он вцепился в моё запястье и потащил за собой, по дороге окликая фейри. Наконец он остановился и о чём-то коротко переговорил с золотистым псом. Был ли это Вожак, я не поняла, но после этого разговора Лис резко дёрнул меня в

сторону противоположную той, куда мы шли изначально. В конце концов он привёл меня в маленький шатёр, стоявший на самом краю лагеря. Он не был таким роскошным, как тот, в котором проходил Совет, но мне, привыкшей к походной жизни, показался раем. Здесь была даже походная постель.

— Это Реи'Линэ, она всё равно до утра на Совете просидит, Вожак сказал, мы можем тут расположиться. Спи.

— Спасибо, — бросила я в спину Князю.

Он остановился у входа, уже отдёрнув полог. Медленно обернулся. Потом отпустил с хлопком вернувшуюся на место тяжёлую алую ткань и шагнул ко мне. Отбросил стекшие на глаза рыжие пряди и улыбнулся. А потом поцеловал в лоб — словно ребёнка…

— Всё, чего ты захочешь, мой саннер-воррен… Всё…

И ушёл. А я сняла сапоги и упала на застеленную мягким покрывалом постель. Закинула руки за голову и закрыла глаза.

Мир меняется… То, что произошло сегодня, было первым шагом. Впервые фейри в открытую вступят в войну людей. Впервые будут защищать росичей. Мир меняется, и я не знаю, к лучшему ли.

На благо ли пойдёт людям помощь фейри? Избежав угрозы кочевников, не примут ли они участь худшую? Не в этом ли подвох? Мне нравится Кольд, но тот, кто его создал всё же не даст людям покоя. Он сам не желает его. Смогут ли люди жить в мире со своими могущественными соседями? Не возжелают ли уничтожить свой страх?

А ещё я спрашивала себя: можно ли остаться свободным, заглянув в глаза, видевшие рассвет первого из миров? Не станут ли люди рабами Великих и Могущественных Князей?

Мне снилось пятно чёрной, выжженной земли, окольцованное застывшим во льду пламенем. И два тела, сплетённых воедино в смерти, не бывшей лёгкой ни для одного из них. Два тела слившихся, сплавившихся, смерзшихся…

Она опустилась на колени, дотронулась ладонью до замерзшего пламени и тут же отдёрнула руку. По грязным щекам текли слёзы, прочерчивая сияющие дорожки. Она не замечала этого, утерлась рукавом порванной куртки, размазав грязь и копоть.

В алых небесах сверкали чёрные молнии. За спиной раздавался невнятный гул и, кажется, я слышала звон сталкивающихся мечей и чей-то надрывный вой.

Хотелось опуститься на колени рядом с девушкой, положить ладонь на её плечо, стереть с лица слезы и сказать: «Всё будет хорошо…» Паутина. Она сетью опутывала мой сон, пронизывала

его, раздирала на куски.

— Ты виновна в том, что произошло! Только ты! — кричала девушка с невероятно длинными, синими волосами. — Ты! Ты это сотворила!

Хотелось оправдаться, объяснить, что это — лишь сон, но губы не слушались меня, онемели, я не могла произнести ни слова, а она продолжала, не обращая внимания на плачущую девушку, на сплетшиеся тела мертвецов:

— Ты возжелала то, чего не могла получить! Ты сломала мой узор!

Она вытянула перед собой руки и сплетённая из разноцветных нитей сеть полетела в меня. Я отшатнулась и выставила перед собой руки, защищаясь. И сеть замерла, зависла в воздухе, а потом подплыла ближе и браслетом оплела правую руку — от запястья до локтя, вросла в тело, обожгла плоть…

— Тебе не понять, Плетельщица Судеб. Тебе не понять… — Чужие слова, сказанные чужим голосом, но сорвавшиеся с моих губ. — И не приходи больше в мои сны, я не потерплю этого. Ты забыла, кто я, что я могу сделать с тобой?

Зло смеюсь и раскидываю руки. Плетью бью, рву сон на куски… Не буди спящий Хаос если не хочешь познать его на своей шкуре — Князья забыли, кто такие Стихии. Пришла пора напомнить им об этом. Напомнить, что нами нельзя повелевать. Рабство — удел детей Порядка, они с рождения лишены того, в чём Хаос не отказывает ни одному своему порождению: свободы. Мне никто не в силах помешать. Потому, что я Сестра Которая Познаёт. Я получу то, чего хочу. Или уничтожу этот мир.

Меня разбудили тихие голоса. Кто-то беседовал за пологом. Один — Лис, а вот второй голос был мне незнаком. Женщина. Молодая.

Я принюхалась — так и есть. Оборотень. Наверное, та красотка, которую я видела в лагере.

— Но, Великий, Акир ещё слишком молод. Позвольте мне пойти с вами!

— Агата, я уже сказал, что со мной идёт Акир. Я не изменю решения.

— Но, Великий!..

— Агата, иди! — раздраженно бросил Лис, откидывая полог. — Твои родители несомненно будут против. Там, куда мы идём, опасно. Ты — Наследница Вожака, не забывай!

И громко хлопнул пологом, морщась. Резко понял руку, защепил переносицу и нахмурился, опустив голову. Минуту постоял так, а потом тряхнул головой и его лицо разгладилось.

— Не спишь? — спросил он тихо.

— Нет, — я решила, что скрывать нет смысла. — Уже пора?

— Два часа до рассвета. Ещё часок можешь подремать. Извини, что разбудили, но Агата… — Он замолчал, подбирая слова. — Агата слишком серьёзно восприняла свой статус телохранителя. Уверен, её родители не имели в виду, что она должна всюду следовать за мной, скорее всего, они считали, что я проведу осень рядом с отцом…

Я перевернулась набок и подложила ладонь под щеку. Лис же скрестил ноги и устроился среди вышитых подушек. Магический огонёк тихо мерцал, шатер был заполнен бесформенными серо-розовыми тенями. Где-то там, за пологом, в центре лагеря, полыхал костёр.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я, прислушиваясь к звукам, доносящимся извне. — Расскажи мне про старые миры. Какими они были? Лис испытующе глянул на меня.

— Ты действительно хочешь знать?

— Всё равно я не смогу снова заснуть. Расскажи.

— Они были разными, — подумав, произнёс он. — В одних царила магия, в других люди забывали о ней. Где-то нас почитали как богов, а потом забывали. Где-то звенела сталь, а где-то армады железных птиц сбрасывали на мирные города начиненные огнём яйца. Иногда мир был круглым, иногда смятым, словно скомканный лист бумаги, иногда плоским. Они были такими разными… Их столько было, что я уже не могу сосчитать. Но люди оставались людьми. Даже в мирах, не знающих магии, они умели мечтать, они придумывали собственную магию, они вспоминали то, чего не могли помнить. Люди…

Я завороженно следила за танцем его рук. Он плел рассказ, рисовал его в воздухе.

— И в каждом из миров рождались те, чья судьба была стать одной из душ, что хранят этот мир. Да, не было ещё мира, не подарившего нам Великого Воина, Творца, Убийцу или Дитя. Не было… Наша жатва всегда была богатой. Они приходили к нам сами или мы забирали их…

— Расскажи… — прошу я, пьянея от его голоса. Всё быстрее и быстрее танцуют кровавые тени, его руки движутся так быстро, что я не успеваю следить за вязью его слов. Он вновь замирает, смотрит на меня, и начинает рассказывать…

Она жила десятки тысячелетий тому назад в мире, не знающим ни богов, ни Старших, ни фейри, ни магии. Ей было шестнадцать. Тот возраст, когда кажется, что знаешь о мире всё, хотя не понимаешь на самом деле и малой толики. Её имя давно забыл даже ветер, унесший его вместе с последним вздохом умирающей.

Ей было шестнадцать, когда она открыла глаза и впервые увидела мир по-настоящему. Ей было всего шестнадцать, когда она захлопнула за собой дверь, оставив ключи за ней, когда она вышла под дождь. Ей было уже шестнадцать, и она шла сквозь дождь. Шла навстречу своей судьбе. Туда, где полыхало пламя. Осеннее пламя.

В шестнадцать мы всегда знаем, кто мы. Думаем, что знаем. Верим, что знаем. И она так думала, и она в это верила. Но дождь менял её, и за его стеной она видела отблески пламени, слышала шипение осеннего огня. И девочка спросила себя: «Кто я? Кем я кажусь? Кто я на самом деле?» Она шла и шла, и с каждым шагом менялась.

Ей было шестнадцать. Она была трусихой и любила приврать. Она любила учиться и частенько задирала нос. У неё было мало друзей и очень много книг…

Она шла, и шла, и шла… И город смотрел на неё тёмными глазами-окнами, провожал её в путь, откуда не было возврата. Она шла навстречу своей судьбе…

Ей было шестнадцать и она отдала жизнь за совершенно незнакомого ей человека. Просто потому, что не могла иначе. Потому, что спросив себя, сама же и ответила: «Я — воин».

Не важно, кем она казалась. Однажды она вышла из дома и ушла туда, где было её место. В осеннее пламя. Ибо эта девочка не знала мира и не желала покоя. Потому, что она отдала своё имя ветру, а её нить судьбы осыпалась пеплом…

Ей всегда будет шестнадцать. И каждый раз, проходя сквозь Осенний Огнь, она склоняет голову пред той, кто поведёт её в бой. Не первый и не последний. Бой за мир, бой на смерть… И этот бой — смысл её существования. Она — и есть бой.

Он замолчал. Я подпёрла голову рукой, глядя на закрывшего глаза Князя. Познавая. Понимая. Чуя.

— Ты завидуешь ей, — произнесла я. — Завидуешь тому, кто она.

— Ты права, — зло ответил он. — Ты права, Вьюга. Вам, людям, не нужно искать смысл, он даруется вам. Вы носите его в себе. И если вы его теряете — это ваш выбор и ваша вина.

— А ещё мы можем выбирать, уйти или остаться.

— А у нас есть лишь один путь — в Хаос.

— Потому, что у фейри, Великих и могущественных Князей, нет того, что есть у самого слабого смертного…

— Нет души.

— Скажи мне правду, Князь. Кто такой саннер-воррен?

Он молчал… Я уже думала, что Лис не ответит, но он тихо, почти неслышно прошептал:

— Саннер-воррен — это наша душа.

Мы отправились в путь, едва солнце встало. Нас не провожали, лагерь спал. Только Егерь стоял в сторонке, попыхивал трубкой, да позёвывал у его ног Вожак.

Я с лошадьми никогда не ладила, они от меня шарахались. Ворон был редким исключением из этого правила, поэтому я ехала с Кольдом. Лис взвился, увидев, как я забираюсь в седло, раскричался, стал настаивать, чтобы я ехала с ним. Я отказалась. Не то, чтобы хотела поругаться и позлить Князя, но мне стало жаль его маленькую тонконогую кобылку, которая, казалось, вот-вот переломится пополам под тяжестью перемётных сумок. Лис сдался. То ли решил продолжить спор на первом привале, то ли понял, что смешит Кольда.

Кольд и правда веселился, глядя на злющего Князя. Веселился, как мог лишь он один: изображал крайнюю скуку, но в синие глаза смеялись.

Ворон, проникнувшись важностью возложенной на него миссии по переносу моего бренного тела, покорно позволил мне устроиться в седле. Даже не фыркнул для порядка.

В результате наш маленький отряд разделился на два. Впереди ехали Реи'Линэ и Лис. Князь вел в поводу ещё одну кобылку — акирову. Сам оборотень решил поразмять лапы и бежал чуть в стороне от проложенной звероловами тропы.

— Кольд, скажи, а что искала Княгиня? И зачем ей нужен был маг? — спросила я тихо.

— Это долгая история, Рани… — ответил Кольд, перекладывая поводья в левую руку и обнимая меня правой. — Я не думаю, что тебе стоит знать.

— А всё-таки?

— Ну хорошо… Что ты знаешь о Стихиях? Вопрос застал меня врасплох. Мы же вроде говорили о Княгине?

— Много чего, — подумав, ответила я. — Но где вымысел, а где правда, не знаю. Я уверена лишь, что они от Хаоса.

— Ты почти права. Стихии не от Хаоса, но есть сам Хаос, его часть, его дети, его, как бы странно это ни звучало — Законы. Да, именно так — Законы Хаоса. И, кстати, могу тебе помочь: всё, что о стихиях говорили ваши Мастера тоже правда. Только вот они говорили о стихиях, а не о Стихиях.

— Есть разница? — удивилась я, слабо уловив разницу.

— Ещё какая. Маги от людей повелевают стихиями Порядка. Мёртвыми. Огнём, водой, землёй и воздухом. А вот то, что зовут Стихиями фейри это… — он помолчал, подбирая слова. — На истинном языке этих существ зовут Киш'Ан. Каждое из них в проявлении Порядка более или менее напоминает одну из

человеческих стихий. По схожести их и зовут. Но, на самом-то деле, схожесть эта кажущаяся. Например, Осенний Огнь это не пламя. Он выглядит как пламя, но его суть — Врата, связующие Хаос и Порядок. Или Сестры Вьюги — их три. Их суть — Ярость, Равнодушие и Познание.

— И какое отношение Стихии имеют к Си`Эн?

— Самое прямое. Стихии не способны существовать в Порядке. Они — Законы Хаоса. Понимаешь? Им нужны проводники и аватары. Как я аватара его самого, так Князья — аватары Стихий. Их продолжения, инструменты, порождения. Так задумывалось изначально. Но в какой-то момент фейри возжелали власти над породившими их силами. И начали учиться контролировать Стихии. У кого-то получалось, кому-то не везло… Си'Эн — одна из счастливиц. Она — Хозяйка Вьюг. Три Сестры подчиняются ей. А виной тому — мощный артефакт, сердце Аметистовой Вьюги, украденное у неё. Пока Аметист Зимы был у Си'Эн — она приказывала. Но Стихии не терпят несвободы. И Аметистовая Сестра сумела провести Хозяйку. Она вернула себе сердце и исчезла. С тех пор Хозяйка Вьюг ищет её и Аметист. Оставшиеся же сестры больше ей не повинуются, и уже близко время, когда они отомстят за свой плен. В первый день зимы наступит их время и их право. Си'Эн должна вернуть себе власть над ними до того, как Стихии вырвутся на волю и превратят Порядок в Хаос. Облачные Горы в прошлом мире были за Гранью, частью Хаоса. Теперь это место принадлежит одинаково и тому, и другому. В смертных землях и в Хаосе её нет, и когда Си'Эн решила, что только там могла найти приют Третья Сестра. Я не стал её разубеждать.

— Значит, на самом деле её там нет? — спросила я.

— Кого?

— Аметистовой Вьюги.

— Нет, Рани… Кровавая или Белая действительно были бы там, но не младшая. Третья сестра никогда не делала того, что от неё ждали. И она никогда бы не спряталась в таком предсказуемом месте. Нет… Стихии разумны, но разумны иначе, чем люди. Они другие. Ни тебе, ни даже мне их не понять, не проследить за их мыслью. Найденный ею выход столь невероятен, что даже он был удивлён смелостью и риском, на который она пошла. Сам он никогда бы не осмелился на такое.

— Ты знаешь, где она, — я не спрашивала, а утверждала.

— Знаю. Но не скажу. Это было бы… неправильно. Я дитя Порядка, но, всё же, его аватара. Я не могу идти против Стихии.

— Значит, всё напрасно? В первый день зимы Вьюги вырвутся на свободу и…

— Кто знает… Третья Сестра всегда была странной. В какой-то мере она любила мир смертных. Её суть — познание Порядка. Она как никто из Стихий связана с ним. Я не думаю, что она позволил сестрам уничтожить то, что ещё не познала.

— Но она одна, — заметила я. — Одна против двух старших. Даже если…

— Она одна. Только вот она сильнее их. Кровавая яростна и неумолима, Белая холодна и равнодушна. Аметистовая же спокойна и безмятежна. Лишь дважды Порядок познал её гнев. Но в гневе она непобедима. Даже он испугался бы, будь тогда способен мыслить и чувствовать. Под ледяной коркой покоя таится сила, равной которой нет.

— Какая сила? — Не знаю, почему я спрашиваю… Это ведь не моё дело. Я — лишь смертная. Не стоит мне познавать то, что в конце концов меня убьёт.

— Узор Порядка соткан Ткачихой, и никто кроме неё не способен им повелевать. Но Третья Сестра не повелевает — она просто рвёт его и сшивает полотно заново, как угодно ей. Понимаешь, Рани? Она управляет не просто судьбами смертных — судьбой всего Порядка.

Странно, уже стемнело, но мы так и не выехали из леса. Когда я спросила об этом Кольда, он объяснил, что мы с Лисом, скорее всего, воспользовались Короткой Дорогой, как и сам Кольд. На самом деле лагерь Осеннего Выезда стоял в самой чаще и до тракта было три дня езды верхом.

Клеймо ныло, но снять перчатку я так и не решилась. А ещё чесалась скрытая чёрной замшей ладонь правой руки. Даже не чесалась — зудела. Не к добру это.

— В получасе отсюда лагерь звероловов, с ними маг, — доложил вернувшийся Акир после того, как трансформировался и натянул брошенную ему Лисом одежду. — Боюсь, маг меня засек.

— И что? — бросила Княгиня. — Предлагаешь нам прятаться по кустам? От одного человеческого мага? Да и к чему нам прятаться? Мы собираемся защищать людей, а не уничтожать их.

— Но, Великая Реи'Линэ… — начал было Акир, но та оборвала его взмахом руки.

— Зови меня Лина, оборотень. В смертных землях я ношу это имя. Это, кстати, и тебя, малышка, касается. Не вздумайте назвать меня истинным именем. Есть маги, знающие его. Я откроюсь в день своей силы, не раньше.

— Хорошо, Ре… Мастер Лина, — отозвалась я, пихая локтём хмыкающего Кольда. Оборотень повторил за мной. Княгиня удовлетворённо кивнула.

Лис же молчал. По-моему, за весь день я так и не слышала ни

одного слова, сказанного в мою сторону. Обиделся? Разочаровался?

Вариант, в котором Великий Князь ревнует слабую смертную к аватаре Хаоса мною даже не рассматривался.

На ночлег мы расположились в пяти минутах от тропы, невдалеке от покосившейся, полуразрушенной хижины. Втайне я надеялась, что Князья сочтут недостойным себя спать на голой земле и сотворят что-нибудь этакое, но мои надежды не оправдались. И Лис и Лина (она всё-таки убедила меня опускать титул Мастера) соорудили себе постели из плащей. Кольд, усмехнувшись, последовал их примеру. Мы с Акиром ненадолго отстали. Кашеваром назначили оборотня. От моих услуг отказались, как только Кольд вспомнил один из инцидентов, произошедших в самом начале нашего знакомства. Да, готовить я никогда не умела. Нет, есть моё варево было можно, но каким-то невероятным образом я умудрялась испортить даже самую простую походную кашу — она превращалась в склизкие холодные комки, едва её снимали с огня.

За неимением полезного занятия, я уселась около костра на подтащенном Лисом и Акиром бревнышке. Протянула руки к пламени. Огонь отшатнулся, словно испугавшись моего прикосновения. Я хмыкнула. Кем-кем, а обычной смертной я никогда не была.

— Я не собираюсь ничего менять, — подчеркнуто вежливо шипел позади меня Кольд. — При всём моём уважении, Валькирия…

— Мы изображаем из себя наёмников. Скажи, как часто ты встречал наёмников, одевающихся, словно аристократ на приёме у королевы?!

Я не знала, кто такие аристократы и слабо представлял себе королев — только по историческому роману, прочитанному в детстве, — но смысл спора поняла. В чём-то Лина была права. Кольд никогда раньше не одевался так дорого и ярко, словно выставляя себя напоказ.

— Она права, Кольд, — бросила я через плечо. — Ты невероятно… красив. Невероятно и недопустимо для воина. Если я правильно помню, у тебя на лице были шрамы. Свёл?

— Он против, чтобы его аватара выглядел как оборванец, — высокомерно заявил Кольд. — И не спорьте. Точка. Я поеду так.

— Ещё тросточку возьми и мушку на губу приклей! — раскричалась Лина. Кольд что-то ответил ей на истинном — я уже научилась его узнавать. Слово за слово: перепалка грозила затянуться. Я встала и побрела к хижине. Слушать спор этих двоих желания не было. Я достаточно знала Кольда: я познала

его. Он не уступит, как бы Княгиня не ярилась. Впрочем, завтра я сама с ним поговорю. Кольд не сумасшедший, уверена, едва мы доберёмся до тракта, он сменит наряд на что-нибудь обычное. Не первый же раз он странствует по Роси.

— Не ходила б ты туда, — окликнул меня Акир. Лис, сидевший рядом с ним и гревший руки в огне, коротко глянул на меня и вновь уставился в пламя. Не очень-то и хотелось…

Я кивнула, показывая, что слышала, но намерений не изменила. Ну что может быть страшного в развалюхе? Скорее всего это — старая база звероловов.

Я шагнула в чёрную пасть двери, стряхивая с пальцев заклинание-светлячок. И остановилась.

На чёрном полу лежало два скелета. Один — взрослого человека, женщины. Второй — детский. Полуистлевшие тряпки укрывали женщину, младенец же так и лежал — на полу, не укутанный ни во что. Жутко. Горько. И больно.

Что же привело роженицу сюда, в чащу, где, случись что, никто бы ей не помог? Что заставило её рискнуть своей жизнью и жизнью не родившегося ещё ребёнка? Я опустилась на колени; морщась отвела ворот расползающейся рубахи. Так и есть. Бляха Академии на цепочке. Алая бляха — огневика.

Стараясь неглубоко дышать, я аккуратно освободила цепочку и, держа её двумя пальцами, поднесла ближе, так, чтобы видеть надпись на медальоне. «Адьена Искра», — было выгравировано на нем.

Цепочка выскользнула из ослабевших пальцев, и медальон покатился по гнилому деревянному полу. Я тупо смотрела на два скелета, лежащих передо мной. Мама. Мама и… Брат? Сестра?

Не отрывая взгляда от скелетов, я вслепую нащупала цепочку, подхватила и резко вскочила, убегая из развалюхи, ставшей могилой двоим родным мне людям.

12 октября, 25 лет назад

Бледная светловолосая девушка держала скованные серебряными наручниками руки перед собой, прикрывая живот. Седобородый маг вышагивал перед ней взад-вперёд. Его одеяния были чёрными с серебром, а на длинных, распущенных волосах лежала корона. Глубокие морщины избороздили его лицо — он рано постарел. Но глаза — разного цвета — были яркими, лучились гневом. Сухие узловатые пальцы украшали кольца, одно из которых узнал бы даже самый невежественный крестьянин. Кольцо Ректора.

— Ну что же ты натворила, глупая?! — наконец простонал он, прикрывая глаза ладонью. — Ну о себе не позаботилась, так за ребёнка бы побоялась! Ну как мне теперь быть?! Я не могу тебя оправдать. Не могу! Даже казнь отложить, пока не родишь, не могу.

— Прости, — она старалась смотреть куда угодно, только не на него. — Они убили Марыню и Чура. Просто так. Потому, что прознали про меня, решили, что сестра ведьмы — сама такая же. Сожгли в ночь костров! Я на пару минут опоздала, они ещё кричали…

— И ты говоришь мне: «Прости?!» — рявкнул Ректор. — Адьена, ты вызвала огненные души — до их пор не понимаю, как тебе это удалось. Ты отправила их людей убивать! Всю деревню сожгла! Пятьдесят три человека, из них двадцать один ребёнок! Ты вообще в своём уме?! Детей-то за что?!

— А они Чура пожалели?! — рыкнула она, впервые поднимая взгляд на мужчину. — Ему семь исполнилось только, так они… ведьмино семя… сожгли…

— И ты вызвала огненные души…

— Да не вызывала я их! Я там и рухнула, где стояла. Только и могла, что рыдать, да проклинать и молить, — с отвращением призналась маг и всхлипнула, закрыв лицо руками.

Ректор не верил ей. Огненные души не приходят просто так. И не убивают без приказа. Только вот до этого дня никто не знал, как им приказать…

— Ты понимаешь, что в это никто не поверит? — сухо спросил он и опустился на колени перед девушкой. Осторожно отнял её ладони от лица и зажал в своих узловатых длинных пальцах. — Ади, они тебя осудят. Даже если я проголосую против. Все знают, что… Все знают, чей в тебе ребёнок растёт!

Она молчала. Только слёзы катились по белым мучнистым щекам. Она никогда не была красавицей, но даже сейчас Ректор не мог оторвать взгляда от её лица.

Когда они впервые встретились, ему было семьдесят три — полжизни позади, — а ей семнадцать. Он был могущественным Ректором, а она — не самой способной его ученицей. Он и сам не понимал, как так вышло…

— Ади, это мой ребёнок. Мой! Своей глупостью ты убила его! А я? Как мне быть? Как я могу отправить тебя на костёр, если в тебе — моё дитя?! Как?!

— Нет, — девушка, пораженная страшной догадкой, побледнела, вырвалась из его хватки. — Нет, Анвар, не надо! Только не это!

— Адьена, я так решил.

— Я возненавижу тебя! Ты не можешь так со мной поступить! Лучше смерть!

— Пусть ты всю жизнь будешь меня ненавидеть, — мягко произнёс он, поднимаясь с колен, — но ты будешь жить. И моё дитя будет.

Ректор не учёл лишь одного. В день суда, после того, как её заклеймили, Адьена Искра исчезла. Он ждал её за воротами Академии, но не дождался. Он искал её по всей Роси, но не нашёл. А потом, в разгар зимы, в ворота Академии постучали звероловы. В первый день зимы в заброшенной избушке, в самой чаще, они нашли мёртвую женщину и двух детей. На их руках были знаки Проклятых. Мать и одна из девочек были мертвы, но второе дитя…

Мёртвых Проклятых оставили там же, в избушке, но выжившее дитя решили отнести в Академию. Усатый глава звероловов признался, что рука у него не поднялась, ребёнка жизни лишить.

Ректор Анвар Великий так и не смог заставить себя наведаться в избушку, ставшей последним приютом женщине, которую он любил, и их ребёнку. Звероловы поклялись, что вернутся и похоронят их по-человечески.

А у него осталась дочь. Дочь женщины, которую он любил. Дочь, ставшая для него целым миром. Одиннадцать лет спустя Ректор погиб от рук заговорщиков. В память о его заслугах дочери Анвара Великого, Киранне Проклятой, разрешили поступить в обучение…

Почти двадцать пять лет спустя маг Киранна Проклятая вернулась в место, где родилась… И круг замкнулся.

В Роси магами зовутся как мужчины, так и женщины. В народе же последних без разбора кличут ведьмами, что очень магов-женщин обижает.

Рани — руна удачи, благословения всегда присутствует на оружии наёмников и их одежде. Крестьяне часто вырезают её на люльках. Общеизвестный, народный оберег. А на руке у Проклятой стоит знак Ни-Ра.

Река пересекает Рось от Врат о Грани. Никто не знает, откуда она берёт свое начало и куда впадает. Единственная полноводная, судоходная река смертного мира. Константин Никольский, «От любви к любви».